

Олег Шелонин

Виктор Баженов

Царский сплетник и дочь тьмы

Серьезные у вас тут шутки!..

Олег Александрович Шелонин
Виктор Олегович Баженов
Царский сплетник и дочь тьмы
Серия «Царский сплетник», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3944385
Царский сплетник и дочь тьмы: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1238-9

Аннотация

Виталий Алексеевич Войко, знаменитый царский сплетник, как всегда, вляпался по самые не балуйся. Вроде и ЦРУ (Царское Разведывательное Управление) организовал, и газету, обещанную царю Гордону, наконец-то выпустил и все равно умудрился нарваться на элементарную подставу, став персоной нон грата в стольном граде Великореченске. Но на этот раз журналист решил разбираться с врагами земли Русской не по-детски, так как на кону теперь стояла не только его жизнь, не только жизнь царской семьи, но и жизнь его суженой Янки Вдовицы.

Все, шутки кончились. Операция «Борзой авторитет» началась...

Содержание

1	4
2	11
3	15
4	18
5	25
6	28
7	31
8	35
9	41
10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Баженов, Олег Шелонин

Царский сплетник и дочь тьмы

1

Виталик сидел на уже привычном для себя месте, по правую руку от царя-батюшки Гордона, невозмутимо поигрывая боярским посохом. Сидел и потел в своей горностаевой шубе с царского плеча, которую вместе с боярской шапкой обязан был надевать на все официальные заседания боярской думы согласно протоколу, хотя в думе сегодня и без того было жарко. Страсти в тронном зале кипели нешуточные, и, надо сказать, повод для негодования у бояр был. Наконец-то вышел первый номер давно обещанной царским сплетником газеты «Великореченский вестник», экземпляр которой был у каждого боярина в руках.

– Нет, ты как хочешь, царь-батюшка, а я правду-матку прямо в наглую рожу ентоту басурманину скажу! – разорвался боярин Кобылин, потрясая пахнущей свежей типографской краской газетой. – Вы только посмотрите, бояре, на что такие огромные деньжищи пошли! Ентот изверг на наши же денежки на нас хулу возводит! Да ентот газетенкой только в отхожем месте подтираться! Боле она ни на что не годна!

– А вас, боярин, не смущает, что на ней портрет государя нашего нарисован? – полюбопытствовал Виталик. – Решили, значит, царем-батюшкой подтереться?

Боярин Кобылин так и застыл с открытым ртом.

– В кандалы его, – щелкнул пальцами Гордон.

Стрельцы заломили руки недалекому боярину и выволокли его из тронного зала.

– Слышь, Гордон, – прошептал уголком губ Виталик, – а ты не перегибаешь палку?

– Нормально, – так же шепотом откликнулся царь. – Считаю, первый выпуск уже окупили. Я с него, гада, не меньше пяти тыщ за оскорбление моего величества слуплю, а потом пусть катится на все четыре стороны.

– Ха! Первый выпуск... Да на такие деньги годовой тираж поднять мож... – Виталик прикусил губу.

– Это у тебя такая себестоимость? – ахнул Гордон. – Так наши соглашения пора пересмотреть.

– Ты не учитываешь вложений в производство карандашей, – заволновался царский сплетник. – Дело новое, неосвоенное, больших денежных вливаний требует...

Виталик нагло врал. Залежи графита, обнаруженные в троллях землях Засечного Кряжа, решили все проблемы разом. Теперь, когда у него в Заовражной низменности есть мощная производственная база, а на подворье Вани Левши развернуты типографские цеха, смешать графит в нужной пропорции с глиной, обжечь и упаковать в деревянную заготовку трудностей не составляло. Новинка великореченцам и купцам иноземным пришлась по вкусу. Последние теперь скупали оптом не только бумагу по невероятно низким ценам, но и карандаши разной степени твердости большими партиями, везли все это за границу и загоняли там втридорога. Надо сказать, победа над шемаханской царицей принесла немалые дивиденды Виталику. Илаха, как оказалось, готовилась к вторжению не один год, и после поражения не все ее подручные сумели уйти через портал, а с тех, кто остался без поддержки своей богини, вмиг сошло заклятие личины. Народ русский по природе своей сердобольный, в капусту крошить да измываться над полоняниками не стал, а просто пристроил их всех к делу на общественно полезные работы. Больше всего этих полоняников оказалось в Заовражной низменности, что резко сократило сроки строительства целлюлозно-бумажного комбината и типографии.

Сидевшая по левую руку от царя Василиса Прекрасная удрученно вздохнула:

– Может, государственными делами займетесь, бизнесмены?

– Угу, – закивал головой Гордон, – это мы запросто. Это мы сейчас. Так, кто еще царем-батюшкой подтереться хочет? – повысил голос державный.

– Что ты, государь! – загомонила боярская дума.

– Как можно!

– Вона как новости в ей важные прописаны! Хрезентация тюрьмы после евроре-монта... Тыфу! Прости, господи! Слова-то как непонятные, иноземные.

– Опять же на ей лик твой лучезарный нарисован.

– Рядом с иконами повесим. Молиться на него будем!

Это известие царя явно расстроило. Он понял, что акция получилась одноразовая и больше денег за по-легкому срубить не удастся. Впрочем, еще не все было потеряно. Со своего места поднялся боярин Жеребцов.

– Я вот только не понял, царь-батюшка, пошто царский сплетник лик твой светлый с каббалой антихристовой рядом начертал? – вкрадчиво спросил он. – И награду объявил за решение этого хросс... кросс...

– Кроссворда, – подсказал Виталик, с трудом сдерживая зевок. Он всю эту ночь не спал, готовя первый выпуск газеты, и усталость давала о себе знать.

– Хроссвор... Тыфу! Нехристь басурманская! И не выговоришь. Так я что сказать хочу, царь-батюшка. Уж не за голову ли твою светлую он награду объявил? А вопросы-то какие издевательские начертал! Ты только послушай, царь-батюшка! Кто сидит на лавке ровно, гневно посохом стуча?

– Что скажешь на это, сплетник? – весело спросил Гордон.

– А чего мне говорить? Вот кто отгадает да слово правильное в нужную строчку или столбец впишет, тому и награда достанется. Если, конечно, все слова правильно впишет.

Боярская дума зашуршала газетами.

– Кто же это может быть? – начал чесать затылок боярин Жадин.

– А сколько букв? – поинтересовался Гордон.

– А ты по клеточкам подсчитай, царь-батюшка, – хмыкнул Виталик.

Все начали считать.

– Четыре.

– Точно четыре.

– Кто же это может быть? – Василиса тоже заинтересовалась.

– Говорю же вам, антихрист он, колдун! – завопил боярин Жеребцов. – На костер его! Он и тебя, царица-матушка, околдовал, и думу...

– Точно! Дума! – радостно треснул по подлокотнику трона царь, выудил из кармана карандаш и вписал первое угаданное слово.

Дума дружно треснула себя ладонями по лбу, да так что боярские шапки полетели на пол, и тоже начала портить бумагу.

– Я ж говорю, всех околдовал, – простонал боярин Жеребцов. – Куда только Малюта смотрит! На кол его надо, на кол!

Однако Малюте было в тот момент не до того. Забыв о том, что он работает здесь пугалом (именно для этой цели по совету Василисы Гордон начал приглашать его на заседания боярской думы), специалист по дыбе и испанским сапогам крадучись подбирался к трону, чтобы подсмотреть, что там на газете царапает державный.

– Чего тебе, Малюта?

– Да тут вопросик непонятный. Кто в темнице сырой за царя-батюшку горой? Пять букв.

– Иди отсюда! – зарядил царь скипетром по лбу Малюте. – Не подглядывай!

– Ну что тебе стоит! – заканючил палач, потирая набухающую шишку. – Ты ведь такой умный, первое слово сразу угадал...

– Иди отсюда, а то палачу отдам!

– Да я и есть палач.

– О! Точно. Палач!

Гордон с удовольствием вписал в кроссворд второе угаданное слово.

– Ну вот, и палача околдовал! – окончательно расстроился боярин Жеребцов и начал вписывать в кроссворд отгаданное Гордоном слово. – Гмм... а по буквам подходит. Действительно палач.

– А вы читали анекдот про конюха и купеческую дочку? – спросил кто-то из бояр.

Ответом ему был дружный хохот.

– Это что, – утирая выступившие от смеха слезы, выдавил из себя боярин Калита. – А вот анекдот про стрельца, который в шкафу от муженька зазнобы прятался...

Тут уже вся дума просто рухнула.

– И у кого-то еще хватает наглости ругать мою газету, – хмыкнул юноша.

– Слышь, сплетник, а награда-то какая будет? – Царь-батюшка азартно разгадывал кроссворд.

Свой бесплатный экземпляр газеты он получил гораздо раньше подданных, успел поржать над анекдотами, и теперь его интересовал только приз.

– Я хоть и не царь, – хмыкнул Виталик, – но награда будет царская, поверь мне.

Это обещание заставило всю думу встрепенуться, и бородатые бояре устроили настоящий мозговой штурм. Царский сплетник довольно улыбнулся. Все пока шло нормально, строго по намеченному им плану. Даже царь-батюшка ведет себя пока корректно. До сих пор не прокололся. А вот царица-матушка волнуется. Может, стоило ее все же посвятить во все детали? Впрочем, теперь уже поздно.

– Слушай, сокол мой ясный, – не выдержала-таки Василиса, – это что такое? На заседаниях боярской думы государственными делами надо заниматься, а не кроссворды отгадывать. Вон китайский посол ждет не дождется, когда вы его вопрос решите.

– Да какие у него могут быть вопросы? – разозлился Гордон. – Дополнительные предпочтения на покупку дешевой бумаги себе выбить хочет. И не он один! Только вот им всем! – Пальцы державного сложились в дулю. – Торговать на наших условиях будем. А чего это китайский посол мне глазки строит? – нахмурился Гордон, заметив странные гримасы посла.

– А ты кукиш убери, – посоветовала Василиса. – На их родине так продажные женщины себя клиентам предлагают.

– Что?!! – взревел Гордон. – На кол его!

– Никак нельзя, ваше царское величество, – сочувственно вздохнул Виталик. – Дипломатическая неприкосновенность, однако. Опять же войну нам объявят. Оно нам это надо?

– Да пока они до нас доберутся, в половецких землях сгинут. На кол!

– Царь-батюшка, а ты знаешь, сколько этих китайцев в Китае живет? – осторожно спросил Виталий.

– Сколько?

– Миллиард, если не больше.

– У-у-у... где ж мы их всех хоронить-то будем? Ладно, пусть живет. Не стоит превращать Русь в китайское кладбище. Да, посол, а ты чего, собственно, от меня хотел? Если насчет расценок на бумагу пришел говорить...

– Васabi... – сложив ручки на груди, начал кланяться посол.

– Что такое васabi? – нахмурился Гордон.

– Есть такое растение у них, – пояснил сплетник. – Китай славится своими специями. Видать, хочет нам их втюхать в обмен на секрет книгопечатания и производство дешевой бумаги.

– И как оно на вкус?

– С нашим хреном рядом не стояло, – патриотично заявил Виталик.

– Так давай им наш хрен продадим, – обрадовался царь. – У нас этого хрена до хрена! Василиса схватилась за голову.

– Да ему твой хрен на хрен не нужен! Ему технология производства газеты и бумаги нужна!

– Ну, это ты зря, царица-матушка, – хмыкнул царский сплетник. – Торговлю завсегда можно наладить. Они любят остренькие вещи.

– Ты этот вариант с ним проработай, – шепотом приказал Виталику Гордон.

– Как обычно, пятьдесят на пятьдесят? – так же шепотом спросил юноша.

– С ума сошел?! С тебя и двадцати пяти процентов выше крыши.

– Царь-батюшка, совесть поимей, мне земли надо поднимать, промышленность налаживать, к свадьбе с Янкой готовиться. А потом, где мои проценты за идею?

– Ты их уже получил. Двадцать пять и ни процента больше. Стоп, какие двадцать пять? Двадцать! Идея-то была моя.

– А...

– А то налог с тебя повышу до пятидесяти.

– Тьфу! Научил на свою голову бизнесу.

– Ну, вы закончили? – сердито прошипела Василиса.

– Еще нет, – поспешил уткнуться в газету державный.

– Опять! – простонала Василиса. – Заняться больше нечем?

– Да подожди ты, матушка! Всего три слова осталось. Сплетник, подскажи по-быстрому...

– Э нет, так не пойдет! – начал отнекиваться Виталик. – Своей головой думать надо.

– Да как ты смеешь, холоп! Я тебя на кол!

– Ни в коем случае! – заволновался боярин Жеребцов. – Мне всего два слова осталось отгадать. Пусть сначала приз выдаст, а потом можно и на кол. А еще лучше отрубить руки по самую шею, чтоб не писал всякую фигню! Хотя тот анекдот про тебя...

– Что, – взревел Гордон, – про меня?! А ну, где тут анекдоты? – начал листать он газету. – Я же вроде их все прочитал...

– Там имелся в виду не конкретно ты, а некий абстрактный царь, – успокоил его Виталик, – так что не парься.

– А-а-а... ну да, читал. Забавно. Хотя могу и на кол посадить.

– Учту на будущее, – пообещал Виталик.

Вопросы в первом напечатанном кроссворде были очень легкие, а потому скоро его почти все решили, но не до конца. Один, самый сложный, так и остался без ответа.

– Любимое холодное оружие ближнего боя японских самураев и асасинов... любимое оружие... Ну, сплетник, ты загнул! – расстроился боярин Калита. – Кто ж такое отгадает?

– Да, вопрос с подвохом, – почесал бороду Гордон.

– Катана, – сердито буркнула Василиса. Чувствовалось, что царице-матушке этот цирк уже надоел. – Вписывай, получай свой приз и берись за дело.

– Не подходит, – огорченно вздохнул царь, – тут всего три буквы.

– Сай! – радостно крикнул боярин Надышкин, вписал последнее слово и воззрился на Виталия. – Это такой кинжал, у которого гарда с двух сторон загибается вперед параллельно клинку. Только это любимое оружие не честных самураев, а ниндзя. Неправильно вопросы ставишь. Ну, где твой приз, сплетник?

– Сейчас будет, – успокоил его Виталик, мысленно потирая руки, извлек из кармана массивный золотой перстень и только тут заметил стремительно наливающееся кровью лицо Гордона.

– Убью, сволочь!!! – Царь вырвал из рук сплетника приз, сорвался с трона и, потрясая скипетром, ринулся на боярина.

– Да что ж ты делаешь-то, царь-батюшка?! – взвыл Виталик.

Юноша одним прыжком настиг державного и повис у него на плечах.

– Его асасины меня на перо посадить хотели, а я с ним либеральничать буду? На кол мерзавца! – продолжал бушевать царь, пытаясь зарядить скипетром по лбу боярину, но Виталик не давал.

Воевода с двумя дюжими стрельцами подскочили к Надышкину и скрутили его в бараний рог. Федот растерянно посмотрел на царского сплетника. Тот отрицательно замотал головой.

– В тюрьму, – показал он глазами на дверь.

– Я не понял, кто тут царь: ты или я? – окончательно рассвирепел Гордон.

– Ты, царь-батюшка, ты!!! – радостно завопила боярская дума. – На кол его, супостата! Пушай вместе с Надышкиным на ем повертится! Ишь, моду взял, царю-батюшке перечить!

– А вас не спрашивают! – рявкнул на них царь. – Все вон отсюда!

Боярскую думу вместе с китайским послом как ветром сдуло.

– Так что с ним делать-то? – покосился на Надышкина Федот.

Боярин извивался всем телом в руках стрельцов и мычал, пытаясь что-то сказать, но ему мешал торчащий изо рта кляп.

– В пыточную, – сердито буркнул Гордон, стрельнув виноватыми глазами на Виталика, и поспешил покинуть тронный зал.

– Ну, ты даешь, сплетник! – До Василисы дошел смысл происходящего. Царица поджала губы и решительным шагом пошла вслед за мужем.

– Господи, наконец-то! – расцвел Малюта, маслеными глазами глядя на боярина Надышкина.

– Только попробуй хоть пальцем его тронуть до моего прихода, – сунул палачу под нос кулак царский сплетник.

– Ну, хоть испанский сапожок-то...

– Я тебе дам сапожок! Федот, проследи, чтобы этот маньяк без нас с царем-батюшкой наедине с ним не оказался.

– Сделаем, – кивнул воевода стрелецкого приказа.

Виталик тяжело вздохнул и пошел выручать своего венценосного друга. Он, конечно, и сам бы с удовольствием сделал Гордону втык за сорванную операцию, но раз за это дело взялась Василиса, то державного надо конкретно спасать.

Царский сплетник не ошибся. На дверь кабинета Гордона была наложена магическая печать, а ручка двери довольно ощутимо стрелялась током.

– Нет, ну что за дела! – расстроился Виталик. – Хоть бы табличку вывесили: «Не входить – убьет», череп с костями нарисовали. Учю их, учю. Тут же люди ходят!

Царский сплетник напряг слух. Из-за двери не доносилось ни одного звука. Похоже, Василиса заодно поставила и защиту от прослушки.

– Эх, не тому приз достался, – грустно вздохнул Виталий, извлек из кармана капсулу радионаушника и затолкал ее себе в ухо. Встроенный в призовой перстень радиомикрофон начал честно транслировать семейный скандал из кабинета державного.

– Ты что делаешь, урод? Такую хитроумную комбинацию царскому сплетнику загубил. Он тебе вражину на блюдечке выложил, с помощью газеты своей хитроумной вычислил, даже я не сразу поняла, что наши тугомудрые бояре на такой вопрос ответа знать не могут.

Только тот, кто с асасинами дела имел, такие тонкости об их оружии знает. А ты сразу на него с кулаками! Что, сдержаться не мог?

– Да как тут сдержаться, Василисушка? Этот изверг не только на меня, он и на тебя, и на детишек наших злоумышлял. Да я ему его посох боярский через задний проход по самые гланды воткну!

– А умнее ничего придумать не смог? Не с посохом его забавляться надо было, а слежку устанавливать, связи его прощупывать и только потом всю шайку разом накрыть!

– Да мы так и хотели...

Судя по звуку, Гордон схлопотал от своей благоверной хорошую затрещину.

– Это сплетник хотел, а ты уже дохотелся. – Из капсулы послышался еще один смачный шлепок.

– Да хватит тебе!

– Мы зачем царского сплетника начальником ЦРУ поставили?

– Чтоб на измене сидел.

– Вот именно, дубина!

– Ну, ты полегче, я все-таки царь.

– Болван ты, а не царь. Чтоб без сплетника на допрос к боярину не ходил.

– Это еще почему?

– Опять все испортишь. Ну, сплетник! Жаль, что его здесь нет. Так хочется ему чем-нибудь тяжелым заехать!

– Ему-то за что?

– Мог бы свою царицу-матушку предупредить! Я бы тебя тогда удержать сумела.

– Оу-у-у... – Виталик отскочил от двери и начал шустро перебирать ножками по коридору в сторону выхода из царского дворца. – Нет уж, меня в свои разборки впутывать не надо. Мне и Янкиного ухвата хватает. Что за садистские наклонности у этой семейки? И вообще, чего пристали? Я белый и пушистый, никого не трогаю.

– Ладно, уломала, – донесся до него из капсулы сердитый голос Гордона. – Где там царский сплетник? С ним в пыточную пойду.

– Да он уже Янке под бочок небось закатился.

– Срамота! Чем мне выговаривать, лучше б вместо матушки на союз брачный племяшку благословила. Виталик второй месяц меня насчет свадьбы трясет, а я ему ни бе ни ме ни кукареку. Без благословения мамки с папкой нельзя! Для него это, знаешь ли, не аргумент. Янка у нас числится сироткой, да еще и вдовицей до кучи, а его родители вообще хрен знает где! Попробуй вытащи их из Рамодановска!

– Гордончик, сокол мой ясный. – Тон Василисы сразу изменился. Судя по всему, она начала ластиться к державному. (Виталик невольно притормозил и затаил дыхание. Вот оно! Сейчас все выяснится.) – Ты же знаешь, что этого сейчас делать нельзя. Пока мы не разберемся с...

– Да пока мы разбираться будем, они внуками обзавестись успеют! Сама благословение не дашь, я за тебя это сделаю! Где там наш царский сплетник?

– Да что ж у тебя все время телега впереди лошади бежит? Видал, какие у него глаза сегодня были красные? Тебе не докладывали почему?

– Нет.

– Эх ты! Совсем своими подданными не интересуешься. Он всю ночь с Ванькой Левшой на его подворье газету и первый экземпляр печатной Библии делал.

– Вот я его и отблагодарю разрешением на свадьбу.

– Гордончик, пока мы все не выясним, не надо этого делать. И в пыточную с ним сегодня ходить не надо. Пусть отоспится, а потом со свежей головой...

– И что он со свежей головой? – ревниво спросил Гордон.

– Без всяких пыток у него все выведает. Он же хитрый! Пошли лучше в нашу спальню. Тебе после трудов праведных тоже отдохнуть не мешает.

– Но только чтоб в накрахмаленном передничке была, – сразу размяк державный.

– Как в прошлый раз? Буду, милый, обязательно буду.

– Опаньки! – округлил глаза Виталик и поспешил выдернуть капсулу из уха. – Ну, Янка. Больше ничего тебе рассказывать не буду. Все постельные тайны рамодановского бомонда выболтала. А вот насчет свадьбы что-то вы мне тут темните.

Это действительно было странно. Не только Василиса с Гордоном, но и Янка либо старательно избегали этой темы, либо откладывали решение проблемы на неопределенное «потом»...

2

Терем Янки Вдовицы давно уже стал для Виталика родным домом. Домом, в котором его ждут, домом, в который ноги сами несут. И это были не пустые слова. Не успел он переступить порог гридницы, как на него налетел счастливый вихрь, из которого материализовалась Янка. Девушка с ходу успела сделать сразу кучу дел: расцеловала его в обе щеки, добавила смачный поцелуй в губы, сдернула с головы сплетника боярскую шапку, с плеч горностаевую шубу с царского плеча и потащила все это в свою светелку, дробно топоча ножками по лестнице вверх.

Виталик улыбнулся, поставил боярский посох в угол гридницы и подсел к столу. По ступенькам вновь застучали ножки возвращающейся Янки. Еще миг, и девушка оказалась у него на коленях.

– Намаялся? – Начала она ластиться к любимому.

– Есть маленько, – устало улыбнулся сплетник, нежно поглаживая по волосам прильнувшую к нему девушку.

– Сейчас я тебя покормлю и в постель! – Янка спрыгнула с его колен, метнулась к печке, отодвинула заслонку и начала выуживать оттуда заранее заготовленную снедь.

– Только вместе с тобой.

– С ума сошел?! День на дворе! А вдруг кто увидит?

Виталик рассмеялся. В некоторых вопросах Янка была страшной ретроградкой и категорически отказывалась заниматься любовью при свете дня, считая, что для постельных утех достаточно и ночи. В принципе ее можно было понять. Ее избранник стал в Великореченске такой значительной фигурой, что посыльные от царя-батюшки да Василисы постоянно ломились в их дверь. И это не считая криминальных авторитетов Дона и Кощея, которые тоже не обходили вниманием Янкиного кавалера. А если учесть, что, кроме этого, сплетнику приходилось решать дела возглавляемой им структуры под названием ЦРУ (Царское Разведывательное Управление), утрясать вопросы вотчины своей боярской да дела редакционные и типографские, то о чем может быть речь? Ему на все это дня не хватало!

Янка выставила на стол перед Виталиком чугунок с гречневой кашей, все еще горячую сковороду с жареным мясом и графин наливки.

– Яночка, ты у меня просто золото, – умилился сплетник.

– Одну рюмку, не больше, – твердо сказала девушка, собственноручно наполнила стопку и убрала графин, – чтоб напряжение снять и как следует выспаться. Тебе ведь вечером еще выпуск первого номера отмечать?

– А куда деваться? – поморщился юноша. – Честно говоря, я бы лучше это время с тобой провел, но ведь не поймут, черти. Скажут: на святое покусился, обмывку зажал.

– Ничего. Я тебе с собой оберег дам. На шею повесишь. И настойку специальную перед уходом выпьешь.

– Зачем?

– Чтобы не захмелеть сильно.

– Ты будешь просто золотая жена. Да что я говорю! Ты уже золотая жена! – Виталик опрокинул в себя стопку и попытался сцапать девчонку, но она с хохотом вывернулась из его рук.

– Куда лапы тянешь, постоялец? Как смеешь приставать к девушке незамужней?!!

Показав Виталику язычок, озорница умчалась в свою светелку стелить «постояльцу» постель. Юноша с сожалением вздохнул и навалился на стряпню своей хозяйки, которая для него была одновременно и вчерашним ужином и сегодняшним завтраком, а заодно и обедом.

С Ванькой Левшой они накануне так упарились в типографии, что забыли и о времени, и о еде.

После сытной трапезы Морфей окончательно одолел сплетника. Глаза слипались. Юноша едва доплелся до светелки Янки, скинул с себя одежду и мгновенно заснул, как только голова его коснулась подушки.

Сон был беспокойный. Его мучили кошмары. Лязг мечей, хрипы умирающих воинов, свист стрел, и он в самом центре дикой, яростной сечи с неведомым врагом. Внезапно в общую свалку врывается Янка в одной ночной рубашке. В руках ее ухват, которым она неловко отбивает направленные на него мечи. «Куда ты лезешь, дура?!» – в ужасе кричит сплетник. «Виталик! Уходи!!!» Янку сбивают с ног. Над ней поднимается окровавленный меч. Виталик, с ужасом понимая, что физически не успевает его отбить, прыгает вперед и падает на Вдовицу сверху, прикрывая ее своим телом. Кровавый туман застилает глаза, и сквозь него он различает неясную женскую фигурку, завернутую в сари. «Наконец-то я достучалась до тебя, воин мой. Слушай меня внимательно. Беда опять пришла на Русь, ломится в твою дверь. Береги женщин...» – «Что?!» – «Береги женщин!»

– А? Что? – подскочил сплетник.

Над ним стоял Васька, нетерпеливо тряся за плечо.

– Виталик, вставай. Стучатся.

– Кто стучится?

– Не знаю, но чувствую, что беда в дверь стучится. – Шерсть на загривке кота стояла дыбом. – Давай через окошко, потом через забор и бегом за Янкой.

– А где она?

– На базар за травками какими-то пошла.

И тут со стороны гридницы послышался тоскливый волчий вой.

– Да вставай ты скорей! – заволновался Васька. – Видишь, Жучок уже песню смерти запел.

– Чего городишь? – Спросонок соображалось туго. – Он что, под Акелу косит? Еще скажи, что рыжие собаки на наши джунгли напали. – Царский сплетник потряс головой, разгоняя сон, натянул на себя одежду, позевывая, спустился вниз и вышел через гридницу в сени, по дороге чуть не споткнувшись о трясущегося от страха Жучка, норотившего забиться под лавку.

– Куда тебя понесло? – простонал сзади кот. – Я ж сказал: в окошко, через забор и за Янкой!

– Да пошел ты, хвостатый!

В дверь действительно стучали. Робко, но настойчиво.

– Не открывай! – зашипел Васька.

Царский сплетник только отмахнулся, распахнул дверь и устоял на незваного гостя. Вернее, гостью. Перед ним, потупивши в землю взор, стояла девчушка лет шестнадцати с черными как смоль волосами, нервно теребя руками подол простенького сарафана. Виталий сразу понял, что она не местная. Скорее всего, прибыла в столицу из какой-то богом забытой деревеньки. Об этом красноречиво говорили торчащие из-под сарафана лапти. Велико-реченские представительницы прекрасного пола такой фасон давно уже не носили, предпочитая лаптям туфельки и сапожки.

– Здравствуйте, дяденька, – тихо сказала девушка, поднимая на Виталика огромные голубые глаза.

– И тебе здравия желаю, девица-красавица, – хмыкнул царский сплетник и увидел через ее голову Янку.

Хозяйка подворья возвращалась домой с базара. Издалека увидев гостью, Вдовица перехватила поудобнее свою корзинку с травками и ускорила шаг.

– Царский сплетник здесь живет? – спросила девушка.

– Здесь. По какому вопросу к нему, милая?

– Поговорить с ним надо.

– Говори. Я царский сплетник.

Запыхавшаяся Янка притормозила неподалеку и начала прислушиваться к разговору.

– Ой, барин, наконец-то я тебя нашла. – В глазах девчонки заблестели слезы.

– Да что случилось-то? – заволновался Виталик. – Ты кто такая?

– Лилия меня зовут. Холопка твоя.

– Какая холопка?

– Из вашей деревни.

– Какой деревни? – потряс головой Виталик. – Я всю жизнь в городе прожил.

Все-таки соображал сплетник спросонок еще туго.

– А разве царь-батюшка не тебе Заовражную низменность отдал?

– Мне.

– Значит, холопка я твоя. Деревенька-то моя в Заовражной низменности находится. С поклоном к тебе пришла. Защиты прошу.

– Защиты?

– Защиты. На деревню нашу напали. Всех убили. Одна я осталась. В лесу была, травки собирала, потому меня и не нашли.

Янка подошла к девице вплотную, выдернула из своей корзинки красный цветок.

– Это что? – требовательно спросила она Лилию.

– Бессмертник песчаный, тетенька, – робко сказала девушка. – От живота хорошо помогает и когда в боку сильно колет. А еще от лишаев на коже...

– Ты чего свою подданную на пороге держишь? – накинулась на опешившего Виталика Янка. – В твоих землях беда. К тебе за помощью пришли, а ты рот раззявил, глазами хлопаешь. Барина крутого из себя разыгрываешь?

– Да нет, я...

– Проснись, дубина!

Янка схватила Лилию за руку и потащила ее в дом. Виталик еще раз потряс головой. Да, надо просыпаться. Закрыв за собой дверь, он прошел через сени во двор, поплескался под рукомойником и с уже более свежими мозгами вернулся в гридницу, где Янка развернула бурную деятельность, накрывая на стол. А девчонка была голодна. С какой жадностью она набросилась на гречневую кашу, сдобренную молоком!

– Давно не ела, милая? – подсел к столу Виталик.

– Третий день, барин. – Девушка начала испуганно отодвигать от себя тарелку. – Но я не голодная. В лесу ягод много, орехов...

– Отвернись, бестолочь! – зашипела на Виталика Янка. – Не смущай девчонку. А ты ешь, не обращай внимания на этого обалдуя. Все доедай. Я тебе еще положу. Знаю я, каково это три дня на одних ягодах...

Царский сплетник виновато вздохнул, деликатно отвернулся и стал ждать. Ждать пришлось недолго, так как от второй порции Лилия отказалась.

– А теперь давай подробно, – повернулся к ней Виталий. – Где твоя деревня находится, как называется, кто напал, когда напал? Выкладывай.

– Из Подберезовки я, – еле слышным голосом сказала девица. – Деревня наша так называется.

– Это недалеко от Засечного Кряжа? – насторожилась Янка. – Где тролли обосновались?

– Да. Но они нас не трогают. Они хоть и глупые, но всех наших знают и договор блюдут. И гномы нас не трогают. Они тоже на Засечном Кряже живут, руду в горах добывают. И

эльфийский лес рядом. Мы с эльфами дружно живем. Только я ни одного из них не встретила, пока до Великореченска добиралась.

– О нападении расскажи, – направил разговор в нужное русло Виталик.

– Я из леса возвращалась, когда из деревни крики услышала. Спряталась в кустах. Долго там сидела. Уже кричать перестали, а я все сидела. Испугалась очень. Потом, как стемнело, в деревню пошла, а там все мертвые. И мамка мертвая, и папка, и сестренки младшие с братишкой мертвые лежат, и старосту убили, и... и... всех убили. А тебя, барин, не было. Некому нас было защитить. Всех уб-и-или-и-и... – Лилия зарыдала в голос.

Виталик скрипнул зубами и попытался погладить черные как смоль волосы девчонки, но Вдовица зыркнула на него таким злым взглядом, что он поспешил отдернуть руку и правильно сделал. Янка сама взялась за подданную своего постояльца и начала утешать ее, что-то ласково шепча деревенской травнице на ушко. Это помогло. Как только Лилия немножко успокоилась, Виталий задал самый главный вопрос:

– Нападавших видела?

Все еще всхлипывающая девчонка кивнула головой.

– Видела. Они пролетали надо мной, когда из деревни возвращались. Хорошо, что я в кустах пряталась. Сквозь листву меня не заметили.

– Пролетали? – нахмурилась Янка. – И кто это был?

– Вампиры.

– Твою мать! – грохнул кулаком по столу Виталик, заставив Лилию съежиться от испуга. – Удружил Гордон с владениями. Только проблем с вампирами мне до кучи не хватает.

Царский сплетник встал из-за стола и направился к лестнице, ведущей в покои хозяйки подворья.

– Ты куда? – тревожно спросила Янка.

– Народ поднимать.

– А что в моей светелке твой народ забыл?

– Народ там ничего не забыл, – сердито буркнул Виталик, остановившись на полпути, повернулся, покосился на Лилию. – А вот кто-то, не буду говорить кто, решил почистить мою шубу с царского плеча и шапку боярскую, а вернуть их хозяину забыл.

– Ох, прости, боярин светлый, прислугу свою неповоротливую, – язвительно сморщила носик Янка. – Ладно, сиди уж, сейчас принесу.

Девушка выскочила из-за стола, вихрем пронеслась мимо царского сплетника, взметнулась вверх по лестнице и скрылась в своей светелке. О том, что они, невенчаные, уже больше месяца живут как муж и жена, знали лишь Гордон с Василисой да Васька с Жучком. Для всех остальных это была тайна за семью печатями, и не было смысла эту тайну раскрывать посторонним.

3

К приходу Виталика в трактире «У Трофима» уже все было готово. Длинный ряд сдвинутых вместе столов радовал душу обилием выпивки и закуски. Но еще больше порадовало царского сплетника то, что его доблестная свита, щеголявшая в новеньких зеленых камзолах, ни к тому, ни к другому не притронулась, ожидая главного виновника торжества. Во главе стола было установлено сразу два кресла, одно из которых явно предназначалось для Виталика, а второе для Ваньки Левши – главного технического исполнителя гениальных задумок царского сплетника.

– Кэп пришел!!! Ура!!! – ринулась к царскому сплетнику восторженная толпа.

– Качать его!!!

Волна энтузиазма сразу схлынула, когда бывшие пираты увидели мрачное лицо Виталика.

– Что случилось, капитан? – заволновался Семен.

– Боюсь, что праздник отменяется, – хмуро буркнул Виталик, посмотрел на расстроенные лица своей свиты и невольно усмехнулся. – Ладно, быстро все к столу, но водки не касаться.

Команду бывшие пираты выполнили молниеносно. Виталик лично наполнил свой кубок вином. Его свита повторила маневр. Царский сплетник особо не распинался.

– Ну, за первый выпуск нашей газеты, – провозгласил он емкий тост.

Все дружно выпили.

– На этом официальную часть программы будем считать законченной, – обрадовал друзей юноша. – А пока закусываем, я хочу, чтобы сотник доложил мне о том, как идут дела в наших землях. Что нового в Заовражной низменности, Семен?

– Да все, как обычно, – пожал плечами бывший боцман.

– Уверен?

– Кракенom клянусь, все нормально. Чтоб меня селедка съела! Я часа два назад с ребятами оттуда вернулся, на честование твое спешил. Эльфы в лесах трудятся, гномы в Засечном Кряже трудятся, даже тролли трудятся. Гномам породу крушить помогают, а эльфам лесины, на которые они указывают, валят и к Великой реке оттаскивают, к сплаву готовят. Все при деле, все нормально.

– Да нет, ребяташки, не нормально. Проблема в моей вотчине организовалась. Уже три дня назад организовалась, а мы о ней до сих пор не знаем. Плохо у нас в Заовражной низменности связь с отдаленными деревеньками работает.

– Почему плохо? – обиженно надулся Семен. – Мы за этот месяц все деревни объездили, перепись населения сделали, как ты велел. Старост предупредили: ежели какие проблемы возникнут, чтоб гонца к чертовой мельнице слали.

– А если некому будет гонца слать? – мрачно спросил Виталик.

– Не понял, – нахмурился Семен.

– Если вырезали всех, вернее, выпили...

– В смысле, как выпили? – оторопел Семен.

– В смысле, вампиры выпили. Всю кровь до последней капельки из холопов моих верных высосали. Кто в таком случае к чертовой мельнице побежит? – нейтральным тоном спросил сплетник.

Все замерли.

– Какую деревню вырезали? – побелел Ванька Левша.

Юноша кинул на него сочувственный взгляд. Старшая сестра кузнеца Мария, командовавшая артелью каменщиков и плотников, и племянница Даренка, взявшая на себя функ-

ции стряпухи, работали над возведением церкви неподалеку от чертовой мельницы, где располагались рабочие цеха целлюлозно-бумажного комбината и стихийно организовавшийся при нем рабочий поселок.

– Подберезовку, – успокоил его Виталик.

Кузнец облегченно выдохнул.

– Кощей появлялся? – спросил сплетник.

– Еще нет, – ответил Семен.

– А Дон?

– И Дон не появлялся.

– Да-а-а, не заладился сегодня день, – пробормотал царский сплетник, – сначала Гордон мне всю малину изгадил, не дал гниду боярскую по полной программе раскрутить, а теперь еще и это известие. Так что, ребяташки, наедайтесь впрок и готовьтесь в дорогу. Через полчаса выход.

– Ты куда, постреленок?!!

Шум возле входной двери заставил всех повернуться. Хозяин заведения Трофим попытался перехватить рвущегося внутрь питейного заведения шустрого вихрастого мальчонку лет семи, но тот ловко увернулся и, дробно топоча босыми пятками по деревянному настилу пола, вихрем пронесся к креслу, в котором сидел Виталик.

– Дяденька царский сплетник, дай копеечку.

– Это с какой еще радости? – невольно улыбнулся юноша.

– Дай!

– А что будет, если не дам? – заинтересовался Виталик.

– Тогда и я тебе не дам. – Парнишка выудил из-за пазухи грязной рубахи сложенный вчетверо лист бумаги. – Дяденька сказал, что ты мне за него копеечку дашь.

– А может, полушку? – прищурился Виталик.

– Не-э-э, полушку я с дяденьки за письмо получил, а с тебя копеечку возьму.

– За что ж такая немилость?

– Так ты ж царский сплетник, – шмыгнул носом мальчонка, – у тебя, чай, казна поболее, чем у Гордона, будет.

Несмотря на трагические известия, бывшие пираты грохнули, заставив задрожать стены трактира.

– Держи, коммерсант. – Виталий выудил из кармана мелкую серебряную монету и сунул ее в руки обалдевшего от такого счастья пацаненка.

Шлепнув на стол перед царским сплетником письмо, он вихрем вылетел из трактира.

Царский сплетник развернул лист и начал вчитываться в неровные строчки, написанные корявыми печатными буквами.

«Если хочешь узнать, что в твоих землях творится, приходи один в Лебяжий переулок через пятнадцать минут. Дольше ждать не буду. Если с собой кого приведешь, разговора не получится. Время пошло. Доброжелатель».

Виталий убрал письмо в карман, прикрыл глаза и на мгновение задумался. Кто бы ни был этот «доброжелатель», человек он явно неглупый. Времени выделил в обрез, чтобы сплетник не успел наspiговать окрестности своими людьми. И место выбрал глухое. Лебяжий переулок находился в Нижнем граде, за кварталом, в который любили заглядывать холостяки к девочкам мадам Ньюры. Место достаточно глухое, народу там ходило мало, а вот скрыться от нежелательного преследования проще простого. Здесь есть только два варианта: либо он действительно нарвался на тайного доброжелателя, желающего вступить с ним в контакт и слить какую-то важную информацию, либо его заманивают в засаду.

Виталик прикусил губу. Проблема почти как у Гамлета. Идти или не идти? Царский сплетник извлек из кармана монету. Может, кинуть? А-а, к черту! В его землях люди гибнут, а он тут монетками забавляется.

– Планы меняются. – Царский сплетник поднялся из-за стола. – К выходу быть готовыми через час. Ждите меня здесь.

– А ты куда, шеф? – тревожно спросил Семен.

– Дело одно есть. До моего прихода сохрани. – Юноша скинул на руки бывшего боцмана боярскую шапку и шубу с царского плеча, поправил на перевязи пистолы огненного боя и двинулся к выходу. – За мной никому не ходить, – предупредил он свою команду уже в дверях и покинул трактир.

4

Это все-таки была засада. Виталик даже застонал от огорчения, когда услышал треск плетня и грузный топот за своей спиной. Через забор соседнего подворья, который он только что миновал, перемахнули сразу три бородатых мужика, и двое из них начали вытаскивать из-за голенищ ножи. А спереди дорогу перегородил до боли знакомый Виталию боярин с группой поддержки в виде еще четырех мужиков, вооруженных чем попало. Судя по всему, на дело работники ножа и топора собирались в спешке, так как два бородача по правую и левую руку от боярина сжимали в руках вилы, а один из тех троих, что были сзади, вообще догадался прихватить с собой косу.

– Ну что, допрыгался? – улыбнулся боярин Надышкин.

– Нет, доскакался, – проклиная себя за дурость, пробормотал юноша, выхватывая пистолы.

Царский сплетник привычно вошел в режим боя. Грохот одновременно выстреливших пистолетов огласил переулок. Мужики с вилами рухнули на землю, а отдача отшвырнула Виталика назад, прямо в объятия мужика с косой, в которого он вляпался как раз в момент его замаха, да так удачно, что свернул ему своим затылком челюсть. Коса перекочевала в руки царского сплетника.

– Три: ноль в мою пользу. А ты, боярин, – дурак, – радостно сказал Виталик, заряжая черенком косы под дых бородатому организму, пытавшемуся воткнуть в него сзади ножичек. – Ну, повезло тебе, сумел удрать, так какого черта здесь делаешь? Я ж этих придурков сейчас разделаю под орех и непосредственно тобой займусь.

– Убить! – приказал Надышкин.

– А самому слабо? – насмешливо спросил юноша, делая энергичный замах косой, который заставил отшатнуться последнего оставшегося на ногах за его спиной мужика, и с ходу, с разворота, нанес ему сокрушительный удар между ног.

– Оу-у-у... – простонал мужик, согнулся пополам, выронил нож и рухнул на землю, схватившись руками за причинное место.

Путь отступления был свободен, но царский сплетник и не собирался убегать. Теперь, когда противников осталось всего трое, это было просто смешно.

– Где ты таких пентюхов себе в охранники нанял? – поинтересовался Виталик, надвигаясь на боярина Надышкина. – А-а-а... понял, не нанял. Наверняка эти людишки с твоего удела оброк в город привезли, и ты их, неразумных, под уголовную статью сразу подвел. А они хоть знают, что их бежавший из тюрьмы боярин есть государственный преступник? Знают, что оказание помощи изменнику, покушавшемуся на жизнь царя-батюшки, карается смертью? Мужики, вы попали. Вам всем теперь плаха грозит.

Мужики начали стремительно бледнеть.

– Да кого вы слушаете? – подбоченился Надышкин. – Гниду худородную! Иноземца, нехристь поганую. Убить мерзавца!

Что-то неестественное почудилось сплетнику в тоне боярина. Фальшивило от него капитально.

– Убить, говоришь? – пробормотал юноша, перехватывая косу поудобнее. – И как ты это сделаешь?

Оставшиеся на ногах мужики переглянулись, бросили на землю свои ножи, перепрыгнули через забор и рванули наутек под залиvistый лай собак, бросившихся ловить нарушителей границ частного подворья.

– Кстати, боярин, спасибо за записку, – улыбнулся Виталик. – Очень любезно было с твоей стороны проинформировать следственные органы о своем местонахождении. А то лови тебя потом по всей Руси. Суд учтет это при вынесении приговора.

– Только тебя на вынесении этого приговора не будет!

Боярин выудил из-за пояса пистоль и навел его на царского сплетника. Это уже была серьезная заявка на победу, а потому сплетнику пришлось срочно менять тактику боя.

– Слышь, болезный, а ты уверен, что он у тебя заряжен?

– Уверен, – успокоил его Надышкин.

– А я бы на твоём месте проверил. Вдруг курок не взведен!

Боярин невольно перевел взгляд на свой пистоль.

– Взведен.

– Взведен-то он взведен, а пистолет все равно не выстрелит.

– Почему?

– Порох отсырел. Я даже отсюда вижу, как из дула вода капает.

Он все-таки сумел запудрить боярину мозги.

– Не может быть.

Надышкин развернул в другую сторону пистоль и заглянул в дуло. Остальное было делом техники. Отбросив в сторону косу, Виталик одним прыжком сократил разделяющее их расстояние и вцепился в пистоль, выворачивая вместе с ним руку боярина в сторону, так как он нужен ему был для допроса живой. Он услышал за спиной дробный топот сапог и краем глаза в процессе борьбы увидел вваливающуюся в проулок толпу стрельцов, спешащую сюда на выстрелы и шум драки.

– Не стрелять! – крикнул он. – Я...

Грохнул выстрел. Грузное тело Надышкина содрогнулось, глаза боярина расширились.

– За что? – просипел он, оседая на землю. – Мы же с тобой договаривались...

– О чем? – опешил царский сплетник, опускаясь рядом с умирающим на колени.

– Ты ж сам мне ответ правильный подсказал, – с трудом выдавил из себя боярин, держась за простреленную грудь, – про сай этот, будь он неладен. Ты ж сказал, что царице-матушке угрожают, сцену разыграть надо, чтоб злодея споймать. Что ж ты делаешь? Я тебе поверил... ты ж меня сам из тюрьмы выпускал...

В горле боярина забулькало, изо рта хлынула кровь, и тело Надышкина обмякло.

– Сплетник, я что-то не понял, чем он тебе помешал? – услышал юноша удивленный голос Дона.

Виталий поднял голову, и за спинами окруживших место трагедии стрельцов увидел криминального авторитета Великореченска.

– Не городи чепухи! – раздраженно буркнул юноша. – Это не я стрелял. Не видишь, что ли, даже курок не спущен, – тряхнул Виталик пистолем и уставился на спущенный курок. – Не может быть! Я бы почувствовал отдачу! – Царский сплетник взвел курок повторно, опустил дуло в землю и надавил на спусковой крючок.

Курок тихо щелкнул, высекая искры, но выстрела не последовало.

– Да ладно, не парься, – хмыкнул Дон. – Мы ж все понимаем, самооборона. Все подтвердят, зуб даю!

Однако по настороженным взглядам стрельцов Виталик понял, что эту версию никто подтверждать не собирается. Юноша внимательно посмотрел на Дона. Лицо великореченского криминального авторитета, как всегда, было закрыто белой маской, сложенные руки на груди, черный плащ, небрежно накинутый на плечи поверх белоснежного камзола, артикуляция губ, моторика, особенности речи – внешне все говорило, что перед ним именно Дон, и все же что-то было не так.

– Ты как здесь оказался? – поинтересовался юноша.

– Шел мимо. Тебя, кстати, поздравлять шел в трактир «У Трофима», а тут выстрелы, ну, мне и стало любопытно.

– Так, – Виталик строго посмотрел на стрельцов, – тащите всю эту гоп-команду, – указал он на разбросанные по проулку тела, – к воеводе. Что делать с мертвыми, пусть сам разбирается, а вот с живых пусть допрос снимет. Исполнять!

Стрельцы, все так же недоверчиво косясь на царского сплетника, подняли с земли убитых и раненых и потащили их к стрелецкому воеводе.

– Как ты их вышколил, – одобрительно кивнул Дон. – Даже сейчас навтыжку перед тобой стоят, любой приказ исполняют. Завидую. Так что, идем праздновать?

– Прошу прощения, Дон, но праздник отменяется. Вернее, откладывается на неопределенный срок. Сам видишь, возник ряд проблем, которые мне надо срочно утрясти.

– Да? Странно. У Кошея тоже какие-то трудности вдруг появились. Ладно, подождем. До встречи, сплетник.

Виталий проводил Дона задумчивым взглядом; когда он исчез за поворотом, подобрал с земли свои разряженные пистолеты, сунул их за перевязь и направился в обратный путь. На душе скребли кошки. Кажется, он крупно попал. Сначала дурная выходка царя-батюшки на утреннем заседании боярской думы обломала ему тщательно продуманную операцию по вычислению «крота» в думе и дальнейшую его разработку, а потом вдруг выясняется, что главный злодей-то – царский сплетник. Он боярина во все тяжкие пуститься заставил. Вот это номер! Теперь события понесутся вскачь, а он еще не свел концы с концами. Однако надо поторопиться.

Миновав ворота, отделяющие Средний град от Верхнего, царский сплетник свернул на улицу, ведущую к трактиру. Дорога шла мимо родного дома, и он уже издалека увидел довольно солидную толпу, судя по одежде, состоящую из купцов и посыльных от иностранных послов. Толпа внимательно слушала напояженного господина, наряженного в одежду приказчика. Как ни торопился Виталик, но встречаться с надоедливыми просителями ему не хотелось, и он свернул с прямого пути, нырнув в ближайший проулок, чтобы зайти к подворью Янки Вдовицы с тылу, но невольно затормозил, когда до него дошло, о чем вещает приказчик.

– Повторяю еще раз, господа, царский сплетник – человек занятой, а потому принять сможет не всех, а только самых достойных. Ну, а уж кто из вас самый достойный, будет решать его управляющий, – указал приказчик на важного тучного господина, перегородившего дорогу к дверям парадного входа подворья Янки Вдовицы.

Толпа намеков поняла и ринулась в атаку, трясая своими кошельми.

– В очередь, господа, в очередь, – завокнулся «приказчик», сообразив, что «управляющего» сейчас просто-напросто сметут к чертовой матери, оставив его с поделеньником без навару.

Виталик сразу узнал пушистых оборотов. Да и как их было не узнать? Кто, кроме Васьки и Жучка, мог внаглую среди бела дня проворачивать такую аферу?

За спиной Виталика кто-то деликатно кашлянул. Царский сплетник обернулся. Перед ним стоял глава купеческой гильдии, по совместительству работавший немецким послом на Руси, господин Вилли Шварцкопф.

– А ты чего не с ними? – хмыкнул юноша, кивая на толпу.

– Я умет читат межту строк, – многозначительно тряхнул первым выпуском газеты посол, – все, как ми ест тоговариватся. И потом, раз ви ест зтес, значит, там ви ест нет! А то, что ест там, – Вилли высунул свою физиономию из проулка и кивнул на Ваську с Жучком, – это ест... э-э-э... как это ви обычно говорит... развот!

– Это точно, – согласился юноша. – И кто-то скоро от меня за этот развод огребет, если, конечно, наваром не поделится. А если бы это все-таки не был развод?

– Я все претусмотрет, – успокоил Виталика Вилли. – Половина очерет – мой человек.
– Прелестно. И что же ты прочитал между строк?

– Ви ест писат зтес: «Реклама – твигател торговля!» Значит, у вас ест новый бизнес, а новый бизнес ест большие тениги. Я готов телать инвестиция. Я толко не понят, что такой ест реклама.

– Это и есть реклама. Ты прочел между строк, задумался, и другие, когда прочтут, задумаются. Вот кто лучше думает, тот и сорвет большой куш.

– Ви ест гений. Я хочу, чтобы на мой ротной Германий был такой же газет и реклам.

– Это к царю. Он в доле, так что права без его санкции пока не продаются.

– О та, та! Я знайт, что из Великий Британий пришел почтовый голуб тля английский посол, закупат патент. Но великий Германий таст болше! Много болше! Толко вот патент нигте нет! И я никак не могу понят, зачем сразу Страсбургский сут, если нет патент?

– Чего? – опешил Виталик. – Страсбургский суд?

– Я, я, Страсбургский сут. Патент нет, Страсбургский сут ест. Я не понимайт, против чего протестоват, если нет патент?

Виталик потряс головой. Это кто же сумел подсуетиться? Гордон? На него не похоже. Странно. Вообще-то мысль здравая. Шила в мешке не утаишь, и, если вовремя не запатентовать изобретение, его в конце концов стырят и будут наживаться на халяву. Однако чья же это работа? Может, Василиса? Вряд ли. Она баба грамотная. Сначала бы патентом занялась...

Тут взгляд Виталика упал на пушистых обормотов, продолжавших строить толпу, и до него дошло.

– Кажется, я знаю, чья это работа, – пробормотал он. – Ладно, Вилли, ты уж меня извини, но у меня море дел. Я, как только свои вопросы решу, свяжусь с тобой. Лады?

– О та, та, я все понимайт.

Виталик попрощался с немецким послом, проскочил проулок, зашел к подворью Янки Вдовицы с другой стороны, с разбегу перемахнул через забор и, миновав задний двор, поспешил в дом. Обычно его появление не оставалось незамеченным, но не на этот раз. Янка с Лилией увлеченно перебирали вываленные из корзины на стол травки, недавно принесенные хозяйкой подворья с базара, и не обращали на него никакого внимания.

– Нет, нет, при отеке ног это не то, – убеждала Лилия Янку. – Лучше всего помогает льняное семя.

– Да ладно!

– Точно тебе говорю, тетенька.

– Да какая я тебе тетенька!

– Прости, тетенька. Так вот, я и говорю: четыре ложки семян на две чашки воды. Если их минут десять кипятить, а потом оставить в теплом месте и дать отвару настояться, то будет самое то. Его можно даже не процеживать. Пить несколько раз в день по полчашки. Через две недели все как рукой снимет. Мы с мамой бабку Матрену завсегда так лечили и других стариков тоже.

– Надо будет попробовать. Еще что интересного расскажешь?

– А еще корень валерьяны...

– С этим корнем все понятно. От сердца, если прихватит. А вот если у кого при перемене погоды голова сильно заболит, чем лечите?

Оно и к лучшему, решил Виталик, поднимаясь по лестнице в свою комнату. Ему очень не хотелось нагружать Янку своими проблемами. Он предпочитал их решать сам. А она в них непременно бы вцепилась, узнай о происшествии в Лебяжьем переулке. Так что Лилия здесь оказалась очень кстати. Надо же, с каким увлечением в силосе копаются. Янка раскраснелась, у Лилии щечки горят и про смерть мамки с папкой даже забыла. А впрочем, возможно, это Янка ее так от дум тяжких отвлекает. Психотерапия, так сказать. Молодец. Уважаю.

Царский сплетник кинул сверху последний взгляд на девчонок, обменивающихся опытом, вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

Первым делом он подошел к окну, выудил из перевязи злополучный пистолет боярина Надышкина и внимательно осмотрел его. Пистолет как пистолет. Щелкнул курком. Курок исправно высек искры. Виталик поднес дуло к носу, принялся.

– Твою мать!

Отшвырнув пистолет в угол, юноша не раздеваясь плюхнулся на кровать, прикрыл глаза и начал думать. То, что его подставили, он сразу понял, как только услышал предсмертные слова Надышкина, но где же была его голова? Почему он сразу не сделал то, что сделал только что? Прямо на глазах кучи свидетелей? Этот пистолет изначально не был заряжен. От него вообще не пахло порохом! Стреляли откуда-то со стороны. Точно стреляли. Явно сверху, чтобы попасть через мое плечо в грудь Надышкина. Так... если бы я такую бяку устраивал, где бы снайпера засадил? Точно, на чердаке борделя мадам Ньюры. Оттуда прекрасно просматривается Лебяжий переулочек. А теперь вопрос: кто? Зачем – понятно. Возвышение царского сплетника многим боярам поперек горла встало, но на такую подставу у них бы просто ума не хватило. Неужели Дон начал играть против него? Вроде все вопросы с ним и с Кошеем утрясли. Вроде... но уж очень вовремя он в этом переулочке появился и с ходу в нужном свете все преподнес. Как он там сказал? Чем он тебе помешал, сплетник? Ну, сука! Ну, гад! Тебе не жить.

Виталик рывком сел на кровати. Как же я тебя из виду упустил? Раскрытием заговоров всяких увлекся, а тебя упустил. Кошей – личность более-менее понятная, Янке с Василисой родня, а ты ларчик с двойным дном. Какого черта тебе в твоей Италии не сиделось? Чего тебе здесь понадобилось? А ведь после того как я шемаханскую царицу завалил, ты со своей бригадой стал все реже в Великореченске мелькать. В последний раз, помнится, говорил, что вообще собираешься на Руси дела сворачивать. Я уж размечтался, что только я да Кошей из криминальных авторитетов в городе останемся. Мое последнее предложение дать Кошеем должность начальника ОБХС принято на ура. Осталось только уговорить Кошею. А что? Смысл тот же самый, зато при деле. И тут на тебе – Дон, как чертик из бутылки, с подставой выпрыгнул. Странный Дон. Очень странный. Какой-то он был сегодня не такой.

Царский сплетник поднялся и начал расхаживать по комнате. Так ему легче думалось. Из-за двери со стороны гридницы до него доносилось щебетание девчонок, продолжавших обсуждать лекарственные травы. Лилия... Стоп! А что, если это звенья одной цепи? Ставим себя на место моих врагов. Нападение вампиров. Какова будет моя реакция? Ясен хрен, всю свою гвардию в ружье и сломя голову в Заовражную низменность. Далее идет подстава. О предсмертных словах Надышкина наверняка будет доложено Гордону. Он, если рядом не окажется Василиса, тут же взбесится и упрячет меня в тюрьму, если сразу на кол не посадит или на дыбу не подвесит. Еще бы! Я лично боярина на что-то там подбил, потом из тюрьмы освободил, а затем до кучи в Лебяжем переулочке пристрелил. Выходит, тут появился мой двойник? Миленько. Опять же, с точки зрения того, кто меня подставил, я что должен сделать? Правильно. Не дожидаясь ареста, хватать ноги в руки и сломя голову бежать. Вымываться к чертовой матери из столицы, спасая шкуру. Та-а-ак... кое-что проясняется. Меня под любым предлогом хотят из Великореченска удалить. Ну, что ж, пока сыграем по вашим правилам. А там будем посмотреть.

Царский сплетник вытащил из-под кровати сундучок, открыл его, достал оттуда шомпол, порох, пули и начал перезаряжать пистолеты, лихорадочно прокручивая в голове дальнейшие шаги. Во-первых, по улицам Великореченска ему теперь ходить опасно, значит, ходить придется нестандартно. Во-вторых, надо предупредить своих людей о том, что банкет отменяется, и назначить точку встречи. В-третьих, надо срочно отослать гонца в Заовражную низменность. Все это надо сделать сразу, быстро, а времени в обрез. То, что его скоро

будут брать подручные Федота, Виталик не сомневался. Плохо, что голубиная почта между Великореченском и Заовражной низменностью еще не работает. Голубятню там, неподалеку от комбината, уже построили, но первые птенцы пока не вылупились. Жучок, помнится, когда обсуждался вопрос о строительстве голубятни, предлагал вместо пернатых вывести особую породу почтовых свиней и выставил свою кандидатуру на должность свинопаса, но большинством голосов его предложение было отклонено. Как он тогда разобиделся! Гордону жаловаться пошел, но и царь-батюшка с Василисой ноу-хау непризнанного гения не оценили. Что же делать? Братва мне пока здесь нужна, каждый человек на счету, птички отпадают... А почему, собственно говоря, отпадают? Царский сплетник распахнул окно и начал делать вид, что что-то крошит на подоконник.

– Цыпа-цыпа-цыпа... – Курицы с соседнего двора заинтересованно посмотрели в его сторону. – Это я не вам, – цыкнул на них Виталик. – Цыпа-цыпа-цыпа...

В воздухе зашумели крылья, и на подоконник спланировал развеселый орел с гармошкой через крыло.

– Слюшай, дарагой, сколько раз тебе гаварит: пачему цыпа-цыпа? Ти что, мэня абижаешь, да? Пачему не шашлык, шашлык, шашлык? Или прылэтай, дарагой, выпит хачу!

– Ты откуда прилетел такой красивый? – опешил Виталик, разглядывая гармошку.

– Слюшай, у нас свадьба, да? Тамада был, на гармошка играл. Хочэш, я тебе лезгинка сыграю? – Орел плюхнулся на хвост, перекинул со спины гармошку в лапы, развернул мехи. – Эх!!!

Царский сплетник едва успел вырвать из когтей тамады гармонь.

– Не до плясок сейчас. Помнишь, ты сказал: надо будет, позови?

– Канэшно! Орел сказал – орел сдэлал!

– Тогда так: слушай сюда внимательно. Надо передать сообщение в мои земли. Те, что в Заовражной низменности. Письмо давать не буду, потеряешь.

– Слюшай, абыжаешь!

– Задание слишком секретное. А вдруг нападут? Письмо отнять можно, а из клюва такого джигита слово не вырвешь!

– Нэ вырвут! – подтвердил орел. – Сам всэх зарэжу, сам всэх убью!

– Значит, так. Летишь на чертову мельницу, находишь там Марию, сестру Ваньки Левши. Она там сейчас всеми командует. Пусть свяжется с эльфами. Ушастые возле стройки постоянно крутятся, так что для нее это не проблема. Пусть передаст им следующее... – Виталик на мгновение запнулся. Если сказать, что на деревню напали вампиры, его люди, не дожидаясь эльфов, сами рванут туда на разборку. – Пусть скажет: в деревне Подберезовка какая-то сволочь валит вековые деревья, занесенные в Красную книгу. Во всем разобраться и виновных предоставить мне.

– Слюшай, – расстроился орел, – ты такой умный, скажи, пачему ти такой дурак?

– Не понял, – опешил юноша.

– Кроме тэбя и твой хазяйка никто нармальный язык нэ панимаэт!

– Тьфу! – с досады сплюнул сплетник.

После того как месяц назад ему довелось откусывать мяса белой змеи, стыренной Жучком у шемаханской царицы, он свободно стал понимать язык зверей, птиц и гадов лесных и настолько к этому привык, что начал упускать такие мелочи. Его посыльного действительно не поняли бы. Выдернув из ящика резного письменного стола работы Ваньки Левши чистый лист бумаги, юноша быстро набросал на нем послание для Марии и привязал его к лапе орла.

– Все. Лети, кунак. Родина тебя не забудет.

Орел попытался отобрать у кунака свою гармошку, но Виталик не отдал.

– После выполнения задания получишь.

– Эх! Нэт в тэбэ праздника!

Вдатый орел сорвался с подоконника и зигзагами ушел за горизонт.

– Ну, будем надеяться, не заблудится, – пробормотал царский сплетник и приступил к решению второй проблемы.

Чтобы не мозолить глаза Янке, он не стал пробираться к выходу через гридницу, а просто перемахнул через подоконник (что значит для бывшего спецназовца второй этаж?), мягко приземлился на землю, нырнул со двора в сени и подкрался к парадному входу. Судя по тому, что творилось за дверью, торг за право пробиться на прием к его сиятельной особе был в полном разгаре. Торговля шла успешно, так как в углу сеней уже стоял солидный мешочек. Виталик не поленился, взвесил его в руке, сунул внутрь нос и понял, что он набит не медью.

Царский сплетник осторожно приоткрыл дверь и выглянул в щелочку.

– Разыгрывается лот номер тридцать пять, – разорвался Васька. – Начальная ставка пятнадцать золотых, и прошу не забывать, что тридцать пятый номер может стать тридцать четвертым. Все зависит от толщины вашего кошелька и щедрости. Пятнадцать золотых, кто больше? Так, а ты куда лезешь? Да не продается здесь самогон, пошел отсюда!

Виталик понял, что распродажу пора кончать, увидев в конце переулка хмурого Федота во главе взвода стрельцов, вооруженных пищальями, двигавшихся по направлению к подворью Янки Вдовицы. Царский сплетник распахнул дверь, сцапал за шкурки зарвавшихся бизнесменов и втащил их в сени.

– Аукцион закончен, – обрадовал он толпу. – По техническим причинам торги временно прекращаются.

Увидев сплетника, Федот ускорил шаг.

– Я к тебе, боярин, – крикнул он издали.

– В порядке очереди. – Виталик захлопнул дверь и наложил на нее изнутри засов.

– Вы тут не стояли!!! – донесся со стороны улицы гомон возмущенной толпы, которую рассекали стрельцы.

Пока Виталик возился с запорами, пушистые обормоты успели принять обычный вид и уже спасали свою добычу. Когда царский сплетник выскочил за ними через сени во двор, Васька заталкивал мешок под лавку, а Жучок лапами закидывал его вместе с котом землей.

– Хватит дурью маяться! – рявкнул на них царский сплетник, схватил опять обоих за шкурки и резко встряхнул, заставив бросить мешок. – Васька, бегом в трактир «У Трофима». Скажешь нашим, чтобы спешно, но не привлекая к себе внимания, покинули город. Встреча на вокзале. Пусть ждут меня там.

Откинув в сторону ошеломленного кота, юноша под грохот ломящихся в дверь стрельцов потащил за собой Жучка к сараю.

– Да ладно тебе, сплетник, сам пойду, – заскулил пес, сообразив, что на подворье ломятся проблемы.

Уже ныряя в сарай, Виталик услышал встревоженный голосок Янки Вдовицы, спешащей на шум. Царский сплетник кинулся в дальний угол сарая, рывком отодвинул в сторону старый диван, откинул крышку погреба и нырнул в черный зев подвала, подземный ход из которого вел далеко за пределы Великореченска. Он уже успел его исследовать на досуге.

– Янке передай, чтоб Василису предупредила: кто-то опять открыл охоту на царскую семью. Так что пускай побережется. И Федоту об этом намекни. Пусть дополнительную охрану всем обеспечит. А теперь люк закрой и поставь на него диван, – приказал он Жучку.

– Понял.

Люк над головой царского сплетника закрылся, заскрежетал диван, и Виталик оказался в кромешной тьме...

5

До леса Виталик добрался, когда уже начало темнеть. Это было плохо. До точки встречи, которую он когда-то, не мудрствуя лукаво, назвал вокзалом, было еще километра два, и большую часть пути придется проделать по бурелому. Больше всего он боялся не успеть, а потому, пока еще хоть что-то было видно и позволял рельеф местности, юноша перешел на бег. Вокзалом небольшую полянку среди лесного массива Виталик назвал не просто так. Там постоянно дежурила пара эльфов, обеспечивающая людям сплетника быстрый проход в его земли путем сведения троп. Теперь у них будет другая задача. Успеть. Главное – успеть! Не судьба. Минут через десять закат окончательно отгорел, а на плотно затянутом облаками небе – ни луны и ни единой звездочки. Юноше волей-неволей пришлось перейти на шаг, чтобы не переломать себе ноги в колдобинах и буераках или не вляпаться с размаху в ствол какого-нибудь дерева. Это он сделал вовремя. Ноздри Виталика затрепетали. Легкий ветерок донес до него запахи съестного. «Наши? – удивился он. – Вроде еще рано. До наших еще как минимум километр шагать». Царский сплетник еще раз принюхался и, удвоив осторожность, двинулся в сторону запахов, мысленно благодаря инструктора по выживанию, научившего его передвигаться по лесу абсолютно бесшумно. Источник запаха он обнаружил быстро. Выползшая в облачный прогал луна высветила небольшую полянку, в центре которой сидел бородатый мужик с длинными, ниспадающими на плечи седыми волосами. Он кашеварил возле весело потрескивающего костра, готовя себе вечернюю трапезу. Рядом лежали посох и сума. Виталик сразу обратил внимание на то, что костер был разложен по всем правилам спецназа. Он горел в небольшой ямке, вырытой в земле, чтоб не был виден издали, и в качестве топлива использовался отличный сушняк, практически не дававший дыма. Если бы не спешка, царский сплетник обязательно вступил бы с ним в контакт, уж больно навыки у старика были характерные, но сейчас было не до того. Юноша уже собрался было обогнуть поляну и направиться дальше по своим делам, но вдруг заметил, что кашевар на мгновение напрягся, затем расслабился и тяжело вздохнул:

– Эх-ма... сейчас бы сольцы сюда еще подсыпать. Всем бы кашам каша была.

Рука старика при этом словно невзначай потянулась к лежащему неподалеку посоху. Как только он оказался в его руках, старец сразу успокоился.

– Ну что, добрый молодец, сам выйдешь, представишься или мне помочь? Ежели ты тать ночной, сразу предупреждаю: взять с меня нечего. Старец я, по Руси-матушке хожу. Богу молюсь.

– Слышь, отец, а ты не такой же попаданец в этих землях, как и я? – подал голос Виталик. – Выучку в тебе спецназовскую чую.

– Спецназовскую? Чудное слово молвишь, непонятное. Ты бы вышел на свет, посмотри бы друг на друга.

Царский сплетник вышел на поляну и бесшумным шагом начал приближаться к костру. Старец смотрел на него испытующим, колючим взглядом. Что-то ему в походке юноши не понравилось, и он внезапно с положения сидя сделал ловкий перекат и застыл по другую сторону костра в довольно характерной боевой стойке с посохом в руках.

– А насчет спецназа все-таки я прав, – усмехнулся Виталик. Царский сплетник подцепил ногой лежащий неподалеку сук, подкинул его в воздух, подхватил и застыл в точно такой же стойке, крепко сжимая узловатую палку. – Выучка у нас, похоже, одинаковая.

Старик смерил его задумчивым взглядом и произнес непонятную фразу, в которой царский сплетник с трудом опознал лишь одно слово «понеже».

– Слышь, дед, я ведь по-старославянски ни бум-бум, – предупредил его Виталик. – Даже что такое паки-паки и аз есмь не знаю. Так что давай поближе к современности.

Глаза старика стали еще более колючими.

– По-нашенски не понимаешь, странно. Кто ж тебя искусству воинскому обучал?

– А может, хватит темнить, дед? Кто ты такой?

– Из витязей я. Такой ответ устраивает?

– Из витязей, – усмехнулся сплетник. – Ты говоришь об этом так, словно к ордену древнему принадлежишь.

– На Руси орденов нет, а витязи еще остались.

– Станный витязь. А где ж твоя кольчуга, броня, меч-кладенец, конь богатырский?

– Отшельнику, человеку божьему, меч-кладенец без надобности.

– Угу... Из витязей в отшельники, значит, подался. Ходишь, Богу молишься.

– Хожу, Богу молюсь, – подтвердил старец.

– Богу молишься, а от каши салом тянет. Большой грех. Нынче же пост.

– Тому, кто обет дал, многое прощается. Так что кому пост, а кому и масленица.

– Забавный ты, дед. Ну, так что? Схлестнемся или разойдемся по-хорошему? Лучше разойтись. А то недосуг мне, дел много. Меня люди ждут.

Старец крутанул в руках посох.

– Вообще-то хотелось бы проверить, каков ты воин.

Виталик тоже пару раз крутанул в руках свое оружие.

– И я так могу, но только не хочу с тобой сейчас драться. Честно говорю, времени нет. Не заставляй меня прибегать к пистолям огненного боя. С моей стороны не по-рыцарски это будет.

– Не по-рыцарски... с франкских земель, видать, прибыл, – сделал вывод старик и внезапно метнул что-то в Виталика.

Царский сплетник чисто автоматически отбил это что-то импровизированным шестом, удивленно посмотрел на воткнувшуюся в палку звездочку и обиделся:

– Ну, это уже свинство, дед! Тогда и я с тобой церемониться не буду, – обрадовал он старика, запуская в ответный полет сразу три звездочки.

Этого добра ему Ванька Левша наковал навалом, и, как правило, пара десятков звездочек всегда были при нем, распиханные по разным карманам.

Реакция у старика оказалась не хуже, чем у Виталика. Выдернув одну из звездочек, застрявших в посохе, он внимательно изучил ее.

– Добрый кузнец ковал. Росича работа. Чистый булат. Ладно, потолкуем.

Старик воткнул посох в землю, жестом пригласил Виталика подсесть к костру.

– Ну, слава богу, хоть до чего-то договорились.

– Богу молишься. Это тоже хорошо.

– Ну, не такой уж ярый богомолец я, – честно признался сплетник, садясь напротив старца, – но святые отцы мной довольны.

– И чем же они довольны?

– Помощь им в делах православных оказываю. Библии вот скоро печатать им начну.

– Библия – это хорошо. Ежели не врешь, мы с тобой договоримся.

– Может, и договоримся, если мозги мне канифолить прекратишь. Витязь-богомолец. Как же! Я кинушки про былинных богатырей смотрел. Витязей таким приемам боя не обучают. Им ума хватает только быку промеж рогов кулаком садануть да мечом-дуроломом размахивать. А от тебя за километр спецназом тянет. Уверен, ты такой же попаданец, как и я.

– Насчет попаданца не знаю. Не попал я еще куда надобно. А насчет витязей... Откель знаешь, как витязей готовят, если сам не витязь?

– Ладно, уел. Возразить нечего.

– А мне есть. Вижу теперь, что наш ты. Только вот не пойму, за что тебя из витязей изгнали.

– Никто меня не изгонял. Отслужил два года, как положено, и на дембель.

– Опять слово нерусское. Что такое дембель?

– О! Дембель – это счастье! Отслужил положенное и после трудов ратных на свободу с чистой совестью.

– Видать, героическое что-то совершил, раз тебя так рано отпустили.

Старец извлек из своей котомки деревянную ложку, краюху хлеба, разломил ее на две части и протянул один ломоть Виталику вместе с ложкой. Сплетник кивком головы поблагодарил старца, зачерпнул из котелка каши и, держа ложку над ломтем, чтоб ни одна капля не упала на землю, поднес ее ко рту.

– Благодарствую, знатная трапеза, – одобрил юноша, возвращая ложку хозяину.

– Точно наш, – окончательно успокоился старец, внимательно наблюдавший за приемом пищи сплетника. – Ну и кто ты есть, росич?

– Хочешь верь, хочешь не верь, но совсем недавно правой рукой царя Гордона числился.

– Ой ли? А не молод ты, отрок, для таких чинов? – пришла очередь старцу запускать ложку в котелок.

– Может, и молод, да царь-батюшка уж больно на этом настаивал. Сначала царским сплетником назначил, а потом, зараза, таким боярством наградил, что волосы дыбом встали. Сплошной геморрой, а не боярство.

– Царский сплетник? – вскинул брови старец. – Наслышан о тебе, наслышан.

– Когда успел? Я возле Гордона всего второй месяц отираюсь.

– Гм... «отираюсь». О таких витязях, как ты, слухи далеко идут. И что заставило тебя посередь ночи из Великореченска в лес бежать?

– Дела, отец. Очень срочные дела, – тяжело вздохнул Виталик. – Гадское дело эта политика. Подставили меня сегодня капитально. Так круто подставили, что я уже на вышак тяну.

– Вышак... – пожевал губами дед. – Это высшая должность, что ли?

– Еще какая, только я на нее не претендую.

– Что так?

– Веревошный галстук шею сильно трет, – хмыкнул юноша, поднимаясь. – Спасибо тебе, отец, за хлеб за соль, но мне пора.

– До встречи, царский сплетник, – кивнул старик. – Думаю, мы с тобой еще свидимся.

– Все может быть. – Виталик возобновил свой путь к вокзалу, но на окраине поляны притормозил.

– А как имя твое, отец?

– Раньше меня в народе Святозаром звали, а теперь отшельником отцом Серафимом кличут, – спокойно ответил старик, зачерпывая ложкой кашу из котелка. Отшельник полюбавался на отпавшую челюсть Виталика, усмехнулся. – Иди, отрок, иди. Чую, тебе действительно поторопиться надобно.

– Ага, – пробормотал ошеломленный Виталик, захлопнул челюсть и скрылся в лесу.

6

И на этот раз царскому сплетнику не удалось подобраться к «вокзалу» незамеченным. Эльфы заметили его раньше и даже сумели опознать в слабом призрачном свете полной луны.

– Идет, – раздался голос откуда-то сверху.

– Царский сплетник прибыл.

Под радостный гомон команды Виталика, расположившейся на поляне, с ветки могучего дуба спрыгнули две гибкие фигурки с эльфийскими луками через плечо и вытянулись перед сплетником в ожидании команды.

– Все ко мне, быстро, – распорядился юноша, выходя в центр поляны.

Его тут же окружила свита, в основном состоящая из бывших пиратов, и эльфы-проводники.

– Так, первый приказ вам, – обратился Виталик к эльфам-проводникам. – С этого момента тропы сводить только для членов моей команды, которых вы сейчас видите здесь, и для меня.

– А если царь-батюшка захочет твои земли посетить? – опешил один из эльфов. – Для него тоже тропы не сводить?

Юноша на мгновение задумался. Гордон – фигура уязвимая, постоянно то под заклятие какое попадет, то учинит что непотребное...

– Ни в коем случае. Увидите Гордона, растворяйтесь в лесу, как будто вас тут и не было, чтобы не нарываться на неприятности. – Тут Виталик вспомнил о своем двойнике, который, если верить боярину Надышкину, выпустил его из тюрьмы. – И даже для меня тропы не сводить, если я не назову пароль.

– Какой пароль?

Царский сплетник склонился к уху эльфа и тихонько прошептал ему на ухо:

– Вам нужен славянский шкаф?

– Да на фига он нам нужен? – выпучил глаза эльф.

– Болван! Я ж у тебя не требую отзыва. Ты, главное, пароль запомни.

– А-а-а... понял.

– Слава богу. – Виталик задумчиво посмотрел на второго эльфа. – Хорошо, что вас двое. Я одного гонца в свои земли уже послал, но лучше продублировать. Тем более что я этому дятлу кое-что сказать забыл. Ты сейчас пойдешь в Заовражную низменность и передашь Эльсину, чтобы клан в спешном порядке вооружился стрелами без стальных наконечников. Стрелы должны быть сделаны из осины.

– Вампиры? – напрягся эльф.

– Быстро соображаешь. Совершенно верно, вампиры. Возможны любые провокации. Исполнять.

Эльф выбрался из общей толпы, сделал несколько шагов по поляне и растворился в воздухе. Сплетник окинул взглядом свою свиту. Его команда не подкачала. Почуввав проблему, быстро сориентировалась в ситуации и ушла из города, вооружившись до зубов. Но в данной ситуации этого вооружения могло оказаться недостаточно.

– То же самое относится и к вам. Быстренько найти подходящую осину и вырубить себе из нее по хорошему колу.

– Здесь, рядом осиновая роща есть, – подал голос оставшийся на поляне эльф.

– Покажи ее ребятам, – приказал Виталик.

– За мной!

Бывшие пираты гурьбой ломанулись в лес вслед за эльфом, и скоро оттуда послышался треск ломаемых сучьев и стук абордажных сабель по дереву. Команда Виталика вырубала себе колы. Минут через десять все вернулись на поляну, вооруженные осиновыми кольями и дубинами.

– А это тебе, боярин, – почтительно протянул юноше осиновый кол эльф.

– Спасибо.

– Что дальше, шеф? – спросил Семен.

Царский сплетник посмотрел на небо.

– А луна-то сегодня полная, – пробормотал он.

– И что это означает? – спросил Федя.

– Самое раздолье для нечисти – вот что это означает. Так, ребята. Сегодня какая-то редиска отвесила нам хорошую оплеуху. Великореченск уже не наш. Мы вынуждены уйти в подполье. Если я правильно понял, задача этой редиски была вытурить нас всех из столицы.

– Зачем? – спросил Семен.

– А ты вспомни, на кого чаще всего в Великореченске покушались в последнее время.

– На тебя.

– А еще на кого?

– На царскую семью, – осенило Федора.

– Совершенно верно, – кивнул Виталик. – Так что, ребята, готовьтесь. Сегодня ночью мы будем брать царский дворец.

– А чего ж мы сразу его не взяли, – расстроился Семен, – пока еще в городе были? Зачем здесь нам встречу назначил?

– Потому что в тот момент тикать нам надо было, и желательно в наши земли, – огрызнулся сплетник. – Хотя... если уж совсем честно... тогда я еще не все концы с концами свел, – тяжело вздохнув, признался юноша. – Так, были смутные подозрения. Теперь я в этом уверен, а потому планы меняются.

– Ну что ж, дело привычное, – тряхнул своим колом Семен, – один раз город уже брали и второй раз возьмем.

– Так в тот раз мы по пьяни, – неуверенно вякнул Митяй, – а сегодня без бухла. Говорил же, больше с собой брать надо было...

Схлопотав от бывшего боцмана подзатыльник, Митяй заткнулся.

– Помолчи, придурок. Слышь, шеф. Вообще-то здесь другая проблема. В прошлый раз нас не ждали. А сейчас небось все стены стрельцами утыканы.

– Войдем тем же путем, каким я оттуда вышел, – решил Виталик. – Долго, правда. Боюсь не успеть.

– Я могу тропу в город свести, – подал голос эльф.

– Болван! – треснул себя по лбу царский сплетник. – Как же я об этом не подумал.

Команда Виталика радостно загалдела.

– Только в такое место, где много зелени, – сразу предупредил эльфийский проводник.

– Плевать! – азартно крикнул юноша. – Главное, чтобы внутри города.

– Сейчас я с лесом поговорю.

– Только скорее!

– Я в городе еще ни разу не был, – извиняющимся тоном сказал эльф, – сразу может не получиться. Мне надо сосредоточиться.

– Все замолчали! – приказал Виталик. – Чем попусту галдеть, лучше камуфляж на себя наведите.

– Это как? – не понял Семен.

– Это так. – Царский сплетник нашел лужу на окраине поляны, оставшуюся после прошедшего накануне дождя, зачерпнул пригоршню грязи и начал вымазывать ей свои руки и лицо. – Всем делать то же самое, чтоб в темноте вас ни один черт не увидел.

Свита Виталика послушно начала умыться в грязи, и скоро их лица перестали отсвечивать белыми пятнами под луной. Пока они наводили на себя лоск, кося под Рэмбо, эльф наводил контакт с лесом. Он подошел к березе на окраине поляны, обнял руками ее ствол, прикрыл глаза и начал беззвучно шевелить губами.

– Есть одно место, – наконец сказал он, – травы много, цветов много. Никого рядом нет. С цветами только что говорил, с травкой.

– И что она тебе сказала?

– Что по ней обычно гуляет только несколько человек. Одна женщина, один мужчина и двое детей. Мальчик и девочка. Совсем маленькая девочка. Женщина... цветочки говорят, что женщина магией пользуется.

– Василиса! – дошло до сплетника. – Царский сад. То, что надо. Веди нас туда!

7

Проводник не подвел. Тропы свел точно в центр сада. В царском дворце Виталик был свой человек и, хотя в этом саду не бывал ни разу, прекрасно знал, что единственный вход в него шел из апартаментов Гордона и его семьи. Василиса сюда даже садовников не подпускала, предпочитая ухаживать за цветочками сама.

– За мной! – коротко распорядился Виталик.

Штурмовой отряд двинулся через сад за сплетником, который взял курс к дверям, ведущим в дворцовые покои. Приблизившись, юноша осторожно потянул за ручку, но дверь оказалась заперта. Виталик приложил к ней ухо, прислушался.

– Ну, что там? – тихо спросил Семен.

– Вроде тишина, – пробормотал сплетник.

– Что делать будем?

– Не знаю.

Виталик оторвался от двери, задумчиво потер подбородок. Неужели он ошибся в своих расчетах? Вроде по всем раскладам получалось, что готовится нападение на царскую семью. Вопрос только – когда? Не обязательно же этой ночью. Рассудок говорил ему: иди назад, спокойно взвесь все и проанализируй, но где-то в глубине души зарождалась неясная тревога. Вдруг он почувствовал, как татуировка лотоса на его груди нагрелась, начала покалывать, зудеть, щипать, и понял, что все его сомнения напрасны. Древняя индусская богиня давала знак.

– Все в сторону!

Сплетник отошел от двери на несколько шагов, а потом с разбега всем телом высадил ее и ворвался внутрь.

Его команда гурьбой повалила следом.

Они оказались в просторном коридоре с двумя комнатами по правой стороне. Двери в них были распахнуты, внутри ни там, ни там никого не было. Одна комната, судя по ширине кровати и богатому убранству, служила опочивальней Гордону с Василисой, другая детской комнатой, в которой сразу бросились в глаза опрокинутые детские кроватки и разбросанные по полу игрушки. В царской опочивальне тоже царил разгром. Летали пух и перья из распоротых подушек, обломки кресла на полу, одеяло, откинутае явно второпях в угол, скомканная простыня на кровати говорили о том, что здесь только что кипела битва. Виталика пробил холодный пот. Гробовая тишина, царящая вокруг, сказала ему, что он опоздал.

– За мной!!! – взревел царский сплетник и бросился по коридору вперед, выбивая ногой все попадающиеся по дороге двери.

В царском дворце было много закоулков. В них долго можно было бы плутать, но, к счастью, парень вовремя вспомнил о том, что когда-то говорила ему Василиса: кабинет Гордона – самое защищенное ее магическим искусством место. О том, что царская семья пробивалась именно туда, говорили лежащие на полу окровавленные тела стрельцов, периодически попадавшиеся им на пути. Но до кабинета царская семья все же не добралась. Дверь в пиршественный зал была раскрыта настежь, и там, внутри, при свете факелов, развешенных по стенам, кипела безмолвная битва. Только теперь Виталик понял, почему вокруг такая тишина. Нападавшие наложили магический полог, отсекающий все посторонние звуки, чтобы к царской семье не подоспело подкрепление. По залу черными тенями метались вампиры, пытаясь пробить магический заслон Василисы, защищавший ее и детей. Гордон в одних подштанниках бился отдельно от жены. Его зажали в угол три вампира, но он пока успешно отбивался обломком кресла. Судя по тому, как вампиры шарахались от него, царю-батюшке повезло. Кресло было сделано из осины. Впрочем, удивляться тут

было нечему. Виталик просто не знал, что с тех пор, как эти кровососы появились на Руси, практически вся дубовая мебель во дворце по приказу предусмотрительной Василисы была заменена на осиновую, дабы в случае чего оружие у них всегда было под рукой.

Вид отбивающейся от злобной нечисти царской четы привел сплетника в неописуемую ярость. Он резко прибавил обороты, разом оставив позади свою команду, и первым ворвался в зал. И сразу, словно кто-то одним щелчком включил радиоприемник, в его уши ворвались звуки боя. Виталик сделал гигантский прыжок и с ходу вогнал осиновый кол в спину одного из вампиров, зажавших в углу Гордона. Второй вампир отлетел в сторону, снесенный лихим ударом его ноги. Увлеченный боем, сплетник не заметил, что его команда с размаху вляпалась в невидимый барьер, перекрывающий вход в зал, и теперь бесновалась возле входа, посылая беззвучные проклятия вампирам. Их любимый шеф практически в одиночку бьется с целой ордой, а они ничего не могут сделать! А Виталику действительно приходилось биться с целой ордой, так как в этот момент зазвенели стекла и в разбитое окно начали влетать целые стаи вампиров. Царица всем телом развернулась в сторону окон и начала торопливо накладывать на них дополнительные заклятия. Это помогло. Очередная стая клыкастых монстров с размаху вмазалась в невидимый барьер и, ломая крылья, с проклятиями начала осыпаться на землю.

– К Василисе! – приказал сплетник Гордону, благословляя колом третьего вампира.

– Ты кто?

– Дед Пихто! К Василисе под щит давай!

Грязная чушка, в которой очень трудно было опознать царского сплетника, азартно заработала колом, прорубая дорогу Гордону к Василисе. А царице-матушке приходилось трудно. Она стояла босая, простоволосая, в порванной ночной рубашке на холодном каменном полу, прижимая одной рукой маленькую Аленку к груди, другой сдерживая рвущегося в бой Никиту. Юный царевич воинственно размахивал деревянным мечом и очень обижался на мамку за то, что она его подрасться не пускает. Глаза разгневанной царицы метали молнии. Чувствовалось, что она с трудом сдерживает себя, чтобы не ринуться за поставленный полог на помощь мужу и не начать рвать вампиров голыми руками на куски, но при ней были дети. Царица быстрым речитативом читала заклинания, вливая в защитный полог дополнительную силу.

Не сладко было и Виталику с Гордоном. Взбешенные неудачей вампиры совсем обезумели. Чувство самосохранения у крылатых бестий отказало, и они уже конкретно давили массой.

– Шевели копытами! – рявкнул Виталик на Гордона и на всякий случай довольно неделикатным способом помог ему преодолеть последние метры дистанции до спасительного барьера.

Получив смачный пинок в державный зад, царь-батюшка благополучно преодолел магический полог Василисы и кубарем покатился по полу, к счастью, уже в безопасной зоне. А вот Виталику не повезло. Пока спасал Гордона, пропустил-таки от какого-то вампира удар. Всего один удар, но какой силы! Удар отбросил царского сплетника к стене и так приложил затылком о камень, что на короткое мгновение юноша потерял сознание. Как ни странно, но спасла его текущая из разбитой губы кровь. Ее запах окончательно свел вампиров с ума, и они устроили дикую потасовку за право первому вонзить в шею поверженного врага клыки. Левую сторону груди Виталика обожгло огнем.

«Не-э-эт!» – мысленно взвыл сплетник, чувствуя, что его сознание тает под натиском проснувшейся богини. Он сразу понял, что ничего хорошего от этого пробуждения ждать не стоит: на этот раз, почуяв кровь, проснулась не Парвати, а ее темная сторона – богиня Кали.

– Ну, и какая сука меня ударила? – прошелестел по пиршественному залу тихий, потусторонний голос. И было в нем нечто такое, что клубок вампиров распался, и клыкастые

кровососы начали отползать от поднимающегося на ноги Виталика. – Я этот кол вам знаете куда сейчас запихаю? Повторяю вопрос: какая сука меня ударила? – Подрагивающий от ярости, напоминающий шипение змеи голос богини, говорящей устами Виталика, наводил леденящую жуть. И без того бледные вампиры начали еще больше белеть. – Всё-о-о... вам конец... всем конец...

Царский сплетник прекрасно понимал, что, если богиня сейчас вгонит себя в боевой транс, живым из этого зала не выйдет никто: ни вампиры, ни царская семья, а потому остатками меркнувшего сознания попытался достучаться до разъяренной Кали.

«Эй, ты, дура рукастая, – начал он откровенно наезжать, особо не стесняясь в выражениях, – что ж ты мне веселье-то, зараза, портишь?»

«Что-о-о?!»

Ему удалось-таки ошеломить многорукую богиню.

«То! С какого хрена сразу всем конец? А поразвлекся? А клыкастых погонять? Брысь отсюда! Ночной киллер хочет порезвиться. Не мешай!»

«Еще чего! – фыркнула Кали. – Я тоже порезвиться хочу».

Идея пришла богине по душе, и она начала резвиться.

– Ну, клыкастенькие, веселуха началась! Ночной киллер вышел на охоту!!!

У Гордона с Василисой отпали челюсти при виде толпы крылатых монстров, за которой с веселым гиканьем гонялся чумазый ночной киллер, радостно размахивая колом. Догнав кого-нибудь, он с размаху втыкал осину жертве в зад и радостно хихикал, наслаждаясь воплем пострадавшего вампира. Кали откровенно развлекалась.

Весело стало и Никитке. Юному царевичу тоже захотелось своим игрушечным мечом потыкать больших «птичек», и он, вывернувшись из рук матери, попытался выскочить за магический полог. К счастью, его успел перехватить Гордон, не дав вырваться наружу.

Тем временем вампиры нашли единственное безопасное для них место в зале. Они облепили потолок, зависнув на нем вверх ногами. Каменный свод здесь был такой высокий, что богиня в теле сплетника своим колом до него не доставала.

«Блин! Кали, я те чё, кузнецик? – мысленно взвыл Виталик. – Кончай скакать, у меня ноги не железные!»

«Йогой надо было заниматься по утрам», – азартно пропыхтела Кали, заставляя юношу прыгать все выше и выше.

Издевательство над организмом сплетника нарушил громкий стук. Кто-то ломился в запертую дверь парадного входа, заблокированную заклинаниями царицы.

– С-с-стучат... – дружно повторили стук зубами вампиры, указывая на дверь.

– Сейчас достучатся, – успокоила их Кали и заставила Виталика шустро перебирать ножками в указанном направлении, заранее предчувствуя очередную порцию веселухи.

Дверь легко распахнулась, стоило только Виталику взяться за нее.

«Не бей его! Он свой!!!» – мысленно заорал сплетник, увидев на пороге Кощея.

Судя по всему, бессмертный злодей почуял неладное и примчался на помощь Василисе в полном боевом обличье. Он был закован в латы с головы до ног и явно разгневан, так как его волнистый черный меч на глазах превращался в ледяной посох, а из-под забрала стремительно вырастала пушистая белая борода.

Богиня просьбу юноши удовлетворила, правда, со своими коррективами.

– Иди отсюда, не мешай! – Кали руками Виталика вырвала из его рук посох и помчалась обратно к центру зала сшибать вампиров с потолка новым оружием. И хотя посох Кощея до них тоже не доставал, держались вампиры из последних сил, так как потолок уже начал покрываться изморозью.

– Отдай палку, недоумок! Она ж тебя убьет!

Кощей настиг Виталика и начал отнимать у него свой посох морозильный.

А Василиса к тому времени уже пришла в себя. Окинув быстрым взглядом поле боя, она сообразила, что ситуация кардинально изменилась. Вампиры из охотников превратились в дичь. Конечно, было бы неплохо прибить их разом всех, оставив парочку живыми для допроса, но здесь были дети. Аленкой и Никиткой рисковать нельзя, тем более что подросшие защитники, вместо того чтоб бить явно струсивших вампиров, дрались между собой за плюющийся снежными зарядами посох. Пусть улетают, тогда и нам можно будет удрать, пока эти придурки нас всех не заморозили, решила Василиса, мановением руки снимая с окон блокировку. Черная стая сорвалась с потолка и рванула на свободу.

«А было весело, – хихикнула богиня, как только за окном стихли крики улетающих вампиров, – мне понравилось. Ты, сплетник, ежели чего, зови. Еще раз развлечемся».

Грудь перестало жечь, и тут же дикий холод рванул в тело Виталика через посох.

– Ай!

Сплетник попытался оторвать мгновенно примерзшие к посоху ладони, и под всполох молнии, ударившей из наверхия посоха в потолок, его вместе с Кощеем засосало в ледяной водоворот неведомо откуда взявшегося портала и вышвырнуло в ночь, далеко за пределы царского дворца...

8

Царский сплетник покатился по дубовым половицам просторного помещения, упруго вскочил на ноги, сунул обмороженные руки под мышки и начал энергично приплясывать, пытаясь согреться.

– Псих! – Кошей сорвал с головы шлем и со злостью отшвырнул его в сторону.

– Здравствуй, дедушка Мороз, борода из ваты, – радостно приветствовал его Виталик, с любопытством наблюдая за процессом превращения: красный нос-картошка бессмертного злодея бледнел на глазах, а белая пушистая борода втягивалась обратно в подбородок. – А подарки будут?

– Тьфу! – Кошей хмуро посмотрел на свой посох, уже превратившийся в черный волнистый меч. – Вроде не испортил. Как ты только жив остался? Он же всех, кого коснется, убивает. – Бессмертный злодей закинул меч обратно в ножны, укоризненно покачал головой. – Ну надо же какой идиот Янке достался. Нет чтоб в нормального витязя или рыцаря заморского влюбиться!

– В рыцаря ей нельзя, – озабоченно сказал Виталик. – Рыцарь – это такая хрень в фольге, которая тыгыдым... тыгыдым... тыгыдым... – Царский сплетник начал озираться. – А мы где?

– У меня, конечно!

– Забавный у тебя домик. Станный.

Помещение действительно выглядело необычно. Одна половина зала была выполнена целиком из дерева. На ней располагался длинный стол, накрытый белоснежной скатертью, вдоль стола тяжелые дубовые лавки, с торца кресло, напоминающее трон, возле стен роскошные кожаные диваны, и, что самое интересное, в стену был встроен довольно приличный бар! И чего в нем только не было: и водка, и виски, и бренди, и ром, и коньяк. Рядом с баром на стене висели курительные трубки, на специальных резных полках лежали сигары разных видов и сортов. Вторая половина зала была сделана целиком из камня, причем дальняя стена представляла собой сплошную гранитную поверхность, с которой свисали цепи с кандалами. В этой же стене был вырублен огромный камин, в котором жарился нанизанный на вертел кабан. Огонь в камине был единственным источником света и тепла в этом огромном помещении. И по всем без исключения стенам были развешены охотничьи трофеи: головы волков, медведей, кабанов, чучела фазанов, сов, тетеревов. Виталик поспешил к очагу, плюхнулся на медвежью шкуру, лежащую возле него, и начал отогреваться, с наслаждением вдыхая ароматы жарящейся на огне дикой хрюшки.

– Знаешь, я все понимаю, но это здесь зачем? – кивнул Виталик на свисающие со стены цепи.

– Ради них я сюда пристроечку и сделал, – кивнул на деревянную половину помещения Кошей и начал снимать с себя латы. – Я столько столетий в этих цепях висел, что без них теперь никак.

– Ностальгия замучила? – хихикнул Виталик.

– Ага. – Последние доспехи полетели на пол. – Я, как о чем серьезном в спокойной обстановке подумать захочу, сразу сюда. В цепи залезу и медитирую.

– А этот антураж тебе медитировать не мешает? – кивнул Виталик на деревянную половину зала.

– Наоборот, помогает! Я здесь все сделал, как в вашем Рамодановске эти... которые под старину косят... ну, как их... во, олигархи! Я ведь в твоём мире олигархом желаю быть, никак не меньше. Вот и привыкаю к новой жизни.

– Да ты не привыкаешь, ты сибаритствуешь.

Руки наконец согрелись. Виталик поднялся и с видом туриста, изучающего местные достопримечательности, начал прогуливаться по залу. Внимание сплетника привлекла обитая кожей дверь. Недолго думая он открыл ее, окинул взглядом просторное помещение, стены, пол и потолок которого были покрыты ледяной шубой, и, поевшись, поспешил закрыть дверь обратно.

– Ни хрена себе холодильничек!

– Там я пары спускаю, чтобы кого-нибудь со злости насмерть не прибить, – пояснил Кощей. – В смысле не заморозить. С тех пор как ты в Великореченске появился, я в ней столько раз стрессы снимал!

– Это ты молодец, это правильно, – одобрительно кивнул юноша. – Таким шизикам, как ты, комната для релаксации нужна. А продукты в ней хранить не пробовал?

– Еще чего! Для этой цели у меня есть подпол и ледник. Зайди лучше туда, – кивнул Кощей на другую дверь рядом с морозильной камерой, – морду помой. Я такого чумазого за стол не посажу.

За указанной дверью оказалась маленькая комнатка с самым обычным рукомойником и тазиком под ним на табуретке. Виталик с наслаждением начал плескаться, смывая с себя боевую раскраску. Закончив водные процедуры, вытерся рушником и вернулся в зал, где его уже ждал почти полностью накрытый стол.

– Икра черная, икра красная, – хмыкнул Виталик, – водка и шматок сала. Лепота! Что еще нужно человеку для счастья?

– Если ты намекаешь на кабана, то он еще не готов. Так что садись и не язви.

– Ладно, закусим, чем бог послал, – азартно потер руки сплетник, садясь на лавку рядышком с Кошеем. Похоже, бессмертный злодей специально не стал садиться на свое кресло-трон, чтобы подчеркнуть – здесь собрались равные. – А почему не виски, не коньяк? – полюбопытствовал Виталик, увидев, что именно Кощей наливает в стопки.

– Наша водочка сподручней.

– Согласен. Ну, здрав буди, хозяин.

– И тебе не хворать.

Они дружно чокнулись, выпили и навалились на закуску.

– Я так понял, это ты меня сюда через портал занес? – спросил сплетник, облизывая жирные от сала губы.

– А кто ж еще?

– Не поспешил? Вдруг во дворце еще не все закончилось?

– Не, все нормально. Ты так вампиров запугал, что они теперь туда хрен сунутся. А с мелочовкой всякой Василиса и без нас справится.

– Это хорошо. – Виталик покосился на бар. Глаз зацепился за бутылку с пивом. – Балтика третий номер, – хмыкнул юноша. – Это кто ж тебе такие поставки делает? Только не вздумай говорить, что у тебя канала нет в мой родной мир.

– Это раньше был канал, – честно признался Кощей. – Какая-то сволочь его мне перекрыла.

– Давно?

– Два дня назад. Прямо не знаю, что и делать. Кстати, Пересмешник, не подскажешь: чья работа? – Кощей в упор посмотрел на Виталика.

– Упс...

Кощей узнал его редакционный псевдоним! И, видать, совсем недавно, так как всего полтора месяца назад лично заказывал ему Пересмешника, порушившего бессмертному бизнес в Рамодановске.

– Нет, ты чего на меня бочку катишь? – Лучшая защита – нападение, и царский сплетник начал откровенно наезжать. – Я, неизвестно по чьей милости, сколько месяцев здесь

парюсь, из кожи лезу, ищу выход в родной мир, мамку с папкой повидать мечтаю, а тут – на тебе! Я же еще и виноват! Я, кстати, порталы творить не умею. И каналы в другие миры открывать и закрывать тоже. Зато я кое-что другое умею.

– Что именно? – заинтересовался Кощей.

– Работать головой и ловить преступников с помощью дедуктивного анализа и прогрессивного метода уринотерапии.

– В смысле? – опешил Кощей.

– В смысле, если гад сразу не сознается, будет у меня глотать мочу.

– У тебя?

– Возможно, и у меня. Но если я сжалюсь, то свою собственную.

Виталик поднялся, подошел к бару, снял с полки курительную трубку, набил ее табаком, неспешно прогулялся к очагу, извлек из него каминными щипцами уголек, прикурил.

– А что вы делали сегодня ночью во дворце? – тоном «отца народов» спросил он, попыхивая трубкой.

– Да так... зашел случайно. – Глазки Кощея забегали.

– Ай-яй-яй! Нэхарашо, товарищ, врать! А не вы ли, гражданин Кощей, на Гордона с Василисой нэчисть натравили?

– Ну, ты, сплетник! – грохнул кулаком по столу Кощей. – Говори, да не заговаривайся! Чтоб я свою племянницу...

– Тогда колись, зачем туда приперся, – уже нормальным тоном сказал Виталий.

– Да так, с Василисой повидаться, с детишками потетешкаться...

– Ну да, конечно. Решил посреди ночи детишек своей рожей попугать. Колись, Кощей.

Меня так просто на мякине не проведешь. Ложь чую за версту. Чего хотел?

– Не твое дело.

– А на пятнадцать суток?

– Не имеешь права.

– Имею. Я царский сплетник и начальник ЦРУ.

– Свиток один хотел Гордону передать, – сдался Кощей.

– Что в свитке?

– Вот привязался! Да на! Читай!

Кощей извлек из кармана свиток и кинул его пристава.

– Вот видишь, как работает моя дедукция, – удовлетворенно хмыкнул юноша, разворачивая бумагу, – даже без уринотерапии обошлись. Ну-с, что тут у нас? Челобитная... Чего-о?!!

Текст челобитной разил наповал:

«Челом бью тебе, царь-батюшка! С тех пор как даровал ты царскому сплетнику окаянному низменность, так пошли во владениях моих проблемы сплошные...»

– Не понял. – Виталик поднял ошеломленные глаза на Кощея. – Какие еще владения?

– Которые в твоих землях теперь находятся, – сердито буркнул бессмертный злодей.

– Так ты, выходит, мой холоп теперь? – заржал юноша.

– Ну, типа того.

– Ах ты, сволочь! – еще громче заржал Виталик. – На барина кляузы пишешь?!!

– Смешно ему! – фыркнул Кощей. – Я в этих землях не одну тысячу лет живу! А сколько лет рядом со мной Баба-яга квартировалась? Все было тихо, мирно, а ты пришел, и началось черт знает что! У меня во дворце покража, между прочим, – все больше распаляясь, разорлся Кощей. – Кто виноват, боярин? Ответь своему холопу.

– Кощей, кончай дурить. Ты все-таки бог. Какая может быть покража? Кто посмеет?

– Посмели вот, как видишь.

– Неужто на сокровища твои несметные позарились?

– Да ты что?! Октись!

Вспокоенный Кощей торопливо что-то пробормотал себе под нос, и в центре в полу появился люк. Бессмертный злодей откинул крышку, посмотрел вниз, с невыразимым облегчением выдохнул:

– Фу-у-у... ты меня так в гроб загонишь. Чуть кондрашка не тяпнула. Вроде все на месте.

– Так что тогда украли? – деловито спросил юноша.

– Сон мой и покой украли, – хмуро буркнул Кощей. – Проблемы у меня, сплетник. Серьезные проблемы.

– Такие серьезные, что ты к Гордону среди ночи их решать поперся? – потрянул челобитной Виталик.

– Да при чем тут Гордон! Эта бумажка так, для отмазки. Пусть державный потешится, как ты, поржет, пока я с Василисой советоваться буду. Я в общем-то в первую очередь ее хотел предупредить.

– О чем?

– О том, что у меня из замка украли.

Виталик огляделся.

– А я сейчас в замке?

– Нет, на заимке! – разозлился Кощей. – Не о том думаешь, сплетник. Видишь цепи, на которых я почти тысячу лет висел?

– Вижу.

– Так вот, в этом замке кое-кто покруче меня в узилище томился.

– И что это за зверь?

– Лихо Одноглазое.

– Я-то думал и впрямь что-то страшное, – презрительно фыркнул Виталик, – а тут какой-то блохастый, перхастый задохлик.

– Задохлик? – возмутился Кощей. – Да страшнее этого монстра ничего нет. Когда он в моих землях появился, тут такое началось! С головой совсем не дружит, сил немерено. Знал бы ты, чего нам стоило его утихомирить. Этого монстра даже цепи удержать не могут. Я этого гада в зеркальной комнате держал, чтоб его бедовый глаз на самого себя порчу насылал и у самого себя силы магические отнимал. Сам, конечно, виноват, – тяжело вздохнул Кощей. – Чаше надо было его навещать. Пропажи хватился, только когда слуги мои верные разбежаться начали.

– У тебя кадровый дефицит? – удивился юноша.

– Еще какой. Сначала Соловушка от меня свалил в леса дальние, потом Тугарин Змей срулил. Морду мне пытался набить, тварь трехголовая. С чего это, думаю, беды на меня посыпались? Вот как про беду вспомнил, до меня и дошло. Заглянул в апартаменты его зеркальные, а Лиха и след простыл.

– Не страшно заглядывать было? Как же ты его взгляда не боялся?

– Щитом зеркальным прикрывался, а на глаза надевал солнцезащитные очки. Найти его надо срочно, Виталик, пока силу этот гад не набрал. Он ведь как подлость какую сделает, горе людям принесет, у него резко сил прибавляется. Ну, что? Поможешь?

– Если честно скажешь, от кого узнал, что я Пересмешник. Янка сдала?

– Нет.

– Ну вот, опять врешь, – расстроился юноша. – Кроме Янки и меня, в Великореченске об этом никто не знает. И как с тобой после этого иметь дела?

– Да при чем тут Янка? Заходил к вам как-то на подворье, тебя дома не было, ну я и покопался в твоём мобильнике. Надо же знать, с кем имеешь дело. А там эсэмэска на имя Пересмешника.

– Какой продвинутый в этом измерении Кощей, – удрученно вздохнул юноша. – Ну что, заказ на Пересмешника снимаем?

– Да ясен хрен, снимаем. Янка за тебя меня живьем сожрет. Ты, кстати, с ней поаккуратней.

– А что такое?

– Да вроде бы ничего. Девка она хорошая, но родня у нее уж больно стервозная, – удрученно вздохнул Кощей. – Так что ты нашу лапушку зазря не обижай, а не то как ее бабка станет.

– А что ее бабка?

– Да ничего ее бабка, но знал бы ты, какая она ведьма-а-а...

– Не от нее случаем в Рамодановск намылиться решил? – хмыкнул Виталик.

– Догадливый. А с Библиями поспеши. Я тебе, так и быть, по-родственному хороший процент дам и тут по тройной цене закупать буду. Захочешь мамку с папкой навестить, на исторической родине оторваться, все условия обеспечу. Там, кстати, уже Велес обосновался. Круто развернулся, надо тебе сказать. Целый город себе отгрохал. И назвал его соответствующе.

– Это как?

– Лас... Вес...

– Лас-Вегас, что ли?

– Точно! Лас-Вегас.

– Но Велес-то вроде бог скота.

– Так к нему одни животные и идут. Человек, когда почует деньги, такой скотиной становится. В его Лас-Вегас все, как свиньи к кормушке, сбегаются, а он их доит.

– Свиней?

– Ага. Я тоже в ваш мир хочу. А то совсем там позабыли про богов древних. Надо напомнить. А ведь там лафа. Для меня как Санта-Клауса и Деда Мороза работа только раз в году. Добро буду творить направо и налево.

– Бабам цветы, детям мороженое?

– Не только. Я даже нефтяных магнатов вниманием не обойду.

– И как ты их наградишь?

– В носочек нефть налью и подожгу, когда они его наденут.

– Круто! Ты будешь самый справедливый Дед Мороз.

– Не сомневайся!

– Верю. А теперь пустой треп в сторону. Спасибо за хлеб-соль, но мне пора. Пока ночь во дворе, надо еще ряд дел в городе успеть сделать.

– А почему ночью?

– Так я же теперь в Великореченске враг номер один.

– Ну как же! Наслышан. Всю жизнь был я враг номер один, а теперь им стал ты. Опять меня обскакал! Нет, точно надо сваливать в Рамодановск. Кстати, может, расскажешь, чего ты с Надышкиным не поделил? Зачем так его подставил? Если хотел от него избавиться, то почему по-тихому не завалил? Как-то грязно ты на этот раз работал. Так грязно, что пришлось ударяться в бега.

– Раз даже ты не понял ни хрена, значит, правильно я сделал, что ударился в бега, – удрученно вздохнул Виталик. – Это не я подставил, это меня подставили. Потому и пришлось уходить в подполье. Буду теперь бороться за отечество ударами в спину исподтишка.

– Ах вот оно в чем дело-о-о... – протянул Кощей. – То-то я думаю, чем тебе Надышкин не угодил? Каким делам помешал? Нормальный вроде бы мужик. На Василису с царем-батюшкой не тявкает.

– Ладно, лирику в сторону. Давай показывай, где у тебя тут выход. Говорю же, дел много.

– Покажу, но глаза, извини, тебе придется завязать.

– Это с какого перепугу?

– О том, где находится мой замок, не должен знать никто, кроме, разумеется, родни.

– Дед, не дури. Во-первых, сам признался, что он в моих землях, а во-вторых, я через Янку уже, почитай, родня.

– Во-первых, в своих землях без моей подсказки ты мой замок хрен найдешь, а во-вторых, когда официально женишься на Янке, тогда и будешь мне родней.

– Да как же я женюсь, если Василиса разрешения на свадьбу давать не хочет.

– Да при чем здесь «не хочет»? – досадливо отмахнулся Кощей. – Она не может! Ой...

Виталик тут же схватил деда за грудки.

– Та-а-ак... а с этого момента поподробнее: почему не может?

– Нет, ну чего пристал? – начал отбиваться Кощей. – Василиса разрешения не дает, у нее и спрашивай, я-то тут при чем?

– Хорошо. Тогда другой вопрос: кто такой Ваня Леший и какую роль играет в вашем преферансе?

– Ваня? – ахнул Кощей. – Леший? От ить, твою мать!!! Вот сволочь! Вот мало ему было, и сюда, зараза, влез! Так, все, свободен, – начал подталкивать к камину юношу бессмертный злодей. – Подробности потом узнаешь.

– Когда потом?

– Когда время придет.

– Так, ты мой холоп, а потому я требую...

Кощей щелкнул пальцами. С полки на пол прыгнул изящный маленький ларец, размером с табакерку. Откинулась крышка, и оттуда выскочила пара маленьких человечков, которые в мгновение ока стали очень и очень большими.

– А ты знаешь, как Санта-Клаус проникает в дома к спящим детишкам, чтобы подложить им в носочки подарки? – вкрадчиво спросил Кощей.

Виталик покосился на горящий камин, в котором все еще жарился кабан на вертеле, и начал спадать с лица.

– Э, дед, не вздумай!

– Правильно. Через дымоходную трубу! Эй, двое из ларца одинаковы с лица, проводите гостя дорогого, – кивнул Кощей в сторону камина.

Двое из ларца одинаковы с лица подхватили царского сплетника под ручки-ножки и начали его раскачивать, готовя к броску.

– А-а-а!!! Не надо!!!

– Раз! – начали отсчет двое из ларца.

– Всех уволю! Премии лишу!

– Два!

– На конюшне выпорю, мерзавцы!

– Три!

– Э, я вам не Гарри Поттер. А-а-а!!!

Бросок был точен. Тело Виталика влетело в камин и испарилось в снопе искр вместе с кабанчиком на вертеле.

– Вот сволочь, закуску уволок, – расстроился Кощей, схватил со стола недопитую бутылку и прикончил ее прямо из горла. – А еще в родню набивается. Никому верить нельзя!

9

Царский сплетник, с головы до ног облепленный золой, вылетел из камина в обнимку с кабаном, взметнув тучу пепла, и покатился по кафельному полу.

– Твою мать! – отшвырнул он от себя недожаренную закуску Кощея. Было горячо.

Кабанчик вместе с вертелом подкатился под ноги хмурого мужика с металлическим совком и каминными щипцами в руках.

– Вам это включить в счет? – мрачно спросил мужик, воинственно поигрывая совком.

– А в харю? – так же мрачно спросил Виталик.

– Капитан! – обрадовался мужик и кинулся помогать шефу подняться. – Ну наконец-то! Вторую неделю ждем, когда ты к нам на огонек заглянешь.

Это был Василий, лучший лингвист созданной царским сплетником конторы под названием ЦРУ. Плавая на пиратском корабле Эдварда Тича, он сумел освоить дополнительно четыре языка разношерстной команды джентльменов удачи и мог свободно общаться с немцами, франками, испанцами и итальянцами на их родных языках. Бритты были не в счет. На английском там общались меж собой все пираты, и, соответственно, им свободно владел весь костяк Царского Разведывательного Управления, возглавляемого Виталиком, единственным человеком в этой структуре, который владел только двумя языками: русским и матерным. Остальные буржуинские, как он говорил, языки ему не давались, из-за чего его в свое время чуть не вышибли с журфака.

– Шеф, а почему не через дверь? – спросил Василий, отряхивая камзол Виталика от пепла и золы.

– Чтoб не замели волки позорные... в смысле не заметили враги народа, – сердито буркнул юноша. – Ты что, еще не знаешь, что мы ушли в подполье?

Виталик начал озиаться. Предусмотрительный Кощей вышвырнул его через камин в служебную секцию банного комплекса, где тусовался лишь обслуживающий персонал.

– Официально нам об этом еще не сообщали.

– Понятно. Клиентов в термах много?

– Уже нет. Полчаса назад последние ушли.

– Слава богу. Так, мне надо привести себя в порядок. Пока я буду мыться, добудь мне свежую одежду, парик, грим и прочее.

– Под кого будешь косить, шеф?

– Под иноземного купца.

– Понял.

Виталик прошел в предбанник, скинул пришедший в полную негодность камзол, забрался в душевую и начал с наслаждением плескаться под горячей водой. Закончив водные процедуры, царский сплетник вернулся в предбанник, где его уже ждал управляющий термами с чистым комплектом одежды в руках.

– Пошли за мной, – сказал Василий, как только Виталик закончил туалет.

Управляющий провел царского сплетника в комнату, в которой было все для маскировки. Такой гримерной мог бы позавидовать любой приличный театр!

Виталик опустился в кресло, устало откинулся на спинку, полюбовался на свою утомленную физиономию в зеркале, взял с подзеркальника фальшивые усы и начал прилаживать их к губе.

– Докладывай, что нового.

– Федот со стрельцами часа два назад сюда наведывался.

– Косточки попарить захотел?

– Не-а, тебя искал. Всех клиентов мне, зараза, распугал. Ты бы его приструнил, шеф, как из опалы выйдешь.

– Обязательно. Как только, так сразу. – Царский сплетник полюбовался на свое отражение в зеркале, пошевелил накладными усами и начал подбирать себе бороду.

– Кстати, я не понял, шеф, а чем тебе Надышкин не угодил? Сегодня бояре в парилке только об этом и судачили.

– И ты туда же, – тяжело вздохнул Виталик. – Давай по делу. Федот никого из наших не пытался арестовать?

– По-моему, была у него такая мысль. Уж больно подозрительно он нас пожирал глазами. Но я его обломал.

– Как?

– Стрелки на Вилли перевел. Типа он хозяин баньки, мы его верные холопы, и ежели есть претензии к немецкому послу, то мы тут ни при чем. Ну, Федот мужик неглупый, ему дипломатический скандал ни к чему. Короче, ушел несолоно хлебавши. Так что прикрытие у нас железное. В случае чего, пусть Вилли под белые ручки берет, а мы все подпишем.

– В смысле?

– В смысле каторга ему обеспечена. Лет сто пятьдесят отмотает от звонка до звонка.

– Стоп, а при чем здесь Вилли? – нахмурился царский сплетник. – Какая каторга? За что?

– Да хоть за что! – пожал плечами управляющий. – Не тебе же срок мотать. А компромата на него мы огромный воз и маленькую тележку нарыли. Он здесь уже столько раз записал и под шнапс такое нашим фрейлейн-массажисткам выдавал, что на три пожизненные и пять вышек хватит.

– Нахватались вы от меня словечек нехороших, – недовольно пробурчал Виталик, подергал за бороду. Держалась вроде крепко. – Нет здесь пожизненной. Тут все гораздо проще: либо реальный срок, либо сразу плаха. Что еще хорошего скажешь? Меня в первую очередь интересуют непонятки всякие, странности. Есть что-то в этом роде?

– Странностей хватает. После того как ты шемаханскую царицу завалил, Гордон практически завязал, сюда носа не кажет.

– Василисина работа, – хмыкнул юноша.

– Мы так и поняли. Так вот, его номера с тех пор стали нарасхват. По десять золотых за ночь для бояр идут.

– Не слишком круто?

– Нормально. Все хотят хоть ненадолго царями себя почувствовать. Сервис мы им соответствующий обеспечиваем и, как ты приказывал, все пишем. На каждого составлено досье, никто не отвертится. Полдумы хоть сейчас можно сажать, а вторую половину сразу на кол. Так что они, считай, уже наши. Жаль, Гордон перестал наведываться, а то мы и на него бы компромат собрали.

– Вася, меня здесь не было всего пару недель, а ты уже тут напридумывал себе черт знает что! Я не собираюсь устраивать дворцовый переворот. Меня, конечно, радуют ваши профессиональные успехи на ниве филерской работы, но давай по делу. Какие странности заметил?

– Перечисляю. Как раз две последние недели всех бояр от царского номера как бабушка отшептала.

– Они что, пустуют? – удивился юноша, пристраивая на голову парик.

– Нет, не пустуют. В них начал ошиваться Дон.

Виталик насторожился.

– Ты же говорил: в бане посторонних нет. Дон сейчас здесь?

– Нет, вот именно сейчас его тут нет, а раньше каждую ночь здесь зависал. Дальше рассказывать?

– Рассказывай.

– Вел Дон себя очень странно. Платил щедро. Двадцать золотых за ночь сам предложил, но девочек при этом не заказывал, наших ребят внутрь не пускал. Даже столик накрывали его люди. А неделю назад стала дивчина появляться. Лицом молоденькая, симпатичная. Рыженькая такая. Почти как наш Левша. Такое солнышко издалека увидишь. Ее прямо у входа люди Дона встречали и в царские номера провожали. А вот что там у них дальше в номерах происходило, мы в упор не знаем. Пытаемся, конечно, собрать на Дона компромат, но это сложно. Вот думаю, может, под статью о развращении несовершеннолетних его подвести? Ты в думе такой закон еще не протацил?

– Вася, ты опух? Ничего вам больше рассказывать не буду. Здесь не Рамодановск. Здесь бояре по иноземному образцу уже право первой ночи применяют. Порют девок направо и налево. Единственное иноземное новшество, которое им пришлось по душе. Да здесь девчонок в пятнадцать лет уже замуж отдают! Какое развращение несовершеннолетних, Вася?

– Жаль, а то бы хорошо статья катила.

– В чем странность, говори, не отвлекайся. Ну, зависает Дон, девчонку ему водят, странность в чем?

– В том, что она сюда заходит, а обратно нет.

– В смысле? – опешил сплетник.

– В смысле Дон со своими людьми царский номер покидает, а девчонки при них нет. Мы потом во время уборки там все обыскивали, нет девчонки. Всю голову себе сломали. Гриня вообще додумался до того, что они там сатанинские обряды проводят и девчонок с косточками съедают.

– Девчонок? Так они каждый раз разные приходили?

– В том-то и дело, что нет! Одна и та же приходила.

– Н-да-с... версия Грини не прокатит. Птица Феникс обычно из огня возрождается, но чтоб девчонка возрождалась из дерьма... Нет, Вася, они ее точно не съедали. Тут что-то еще. Жаль, что фрейлейн-массаж они к себе не подпускают. Близко к царским номерам подобраться не удалось?

– Два дня назад удалось, – успокоил сплетника Василий. – Забрался я ночью на крышу и стал подслушивать возле каминной трубы. Ты не поверишь, кэп, я ничего не понял! Ни охов там, ни ахов, как с подопечными мадам Ньюры. Только голоса, но как там говорят! Перед этой девкой Дон и его люди на задних лапках ходят, а она отчитывает их, как холопов нерадивых.

– Да не тяни ты, Вася! О чем речь вели?

– А я знаю? Один раз только по-русски назвали госпожой. А так язык непонятный. Есть в нем что-то и от бриттов, и от немцев, и от испанцев с итальянцами, от франков что-то прилепилось, а смысл ускользает. Может, дымоход звуки искажал...

– Так, подожди.

Виталик задумался. В лингвистике он был, конечно, лох, но кое-что из академического курса помнил. В каком языке есть что-то от одного, другого, третьего? Кажется, в эсперанто. Может, они говорили на эсперанто? Да ну, что за ересь?! Эсперанто в XIX веке придумали. Не катит! Так, конкретно, в каких языках могут быть испанские, итальянские, французские слова? Скорее всего, в итало-романской подгруппе. Да, точно, в этой компании и корсиканский язык, и сицилийский, ну и итальянский – самые подходящие для мафиози! Дон – он ведь из Италии... Царский сплетник мысленно погладил себя по головке, выдавшей ему такой результат. Прелестно! Так что, к нему прибыл ревизор?

Тихий стук в дверь заставил сплетника встрепенуться. Он показал Василию глазами на дверь, намекая: разберись. Управляющий кивнул, выскочил из гримерной, тихонько с кем-

то пошушукался и через минуту вернулся обратно с еще одним сотрудником ЦРУ. Это был Николай. Ему сегодня выпало ночное дежурство.

Увидев Виталика в купеческом наряде, Николай восторженно ухнул:

– Ну, кэп! Если бы Вася меня заранее не предупредил, ни за что бы тебя не опознал.

– У тебя есть что для меня? – оборвал его восторги юноша.

– Есть. Я сегодня на охране на входе стою. И тут, понимаешь, такое дело. Приперся только что какой-то купец заморский. Я думал, как обычно, номер снять, девочек заказать, попариться, а он начал меня умолять, чтобы я его с тобой свел. Ну, я отбрыкиваться начал. Объясняю, что тебя тут нет, но он ничего слушать не хочет. Утверждает, что ты здесь и ему надо срочно с тобой переговорить. Достал так, что я Васю решил подключить. Ему как управляющему веры больше, а тут оказалось, что купец прав: ты и правда здесь.

– Он один? – спросил сплетник.

– Один.

– Вооружен?

– Только мешком, – усмехнулся Николай. – Большой мешок и, по-моему, тяжелый.

Царский сплетник поднялся, одернул кафтан, окинул свое отражение в зеркале придирчивым взглядом.

– Чую, по делу пришел. Вася, я на время твой кабинет займу, – сказал он. – Проводите его туда минут через пять. Потолкуем.

10

Виталик сразу понял, кто перед ним, как только распахнулась дверь и на пороге управляющего баннным комплексом застыла худощавая фигура иноземного купца с мешком на плече. Опять нестерпимо зачесалась грудь, татуировка лотоса начала нагреваться, и перед мысленным взором сплетника появился образ разгневанной многорукой богини.

«Нет, ну ты что, у Гордона мало развлекалась?» – рассердился он.

«Мало, – откликнулась Кали. – Ты же, гад, троих там завалил, а мне ни одного не дал прибить!»

«Зато похихикала. Брысь отсюда. Он мне живой для разговора нужен».

«Ну, ты наха-а-ал... – восхитилась Кали, и гнев ее начал утихать. – Так разговаривать с богиней! Ладно, пусть поживет пока...»

Грудь перестало жечь, и на мгновение перед мысленным взором юноши вместо многорукой Кали мелькнул образ ласково улыбающейся сплетнику Парвати. Мелькнул и исчез.

– Ну, что столбом стоишь, сын ночи? – грозно спросил Виталик застывшего на пороге гостя. – Заходи, поговорим.

– Спасибо, господин.

Вампир скинул с плеча мешок, склонился в угодливом поклоне, робко переступил порог и осторожно приблизился к столу, волоча мешок за собой.

– Что у тебя там? – кивнул на мешок царский сплетник.

Вампир вытряхнул из мешка мутного мужичка, бессмысленно моргающего глазками.

– Да вот, типа в гости пришел.

– Хитер, – усмехнулся Виталик. – Типа раз не по делу, а в гости зашел, то клыки сразу рвать не будут. Ладно, садитесь, гости, – кивнул юноша на стулья.

Вампир поспешил исполнить приказание, а мужичок так и остался сидеть на полу рядом с мешком.

– А ты чего? – нахмурился сплетник. – Не положено на Руси гостям в мешке сидеть. Садись за стол!

Мужичок покосился на вампира. Тот кивнул, и мужичок перебрался на стул. Виталик достал из бара три кубка и литровую бутылку медовухи.

– Мне нельзя, – заволновался вампир.

– Тогда он выпьет.

Сплетник разлил на двоих. Глаза мужичка загорелись. Он сцапал со стола свой кубок, торопливо чокнулся с хозяином, плеснул содержимое емкости в глотку и занюхал медовуху рукавом. Виталик усмехнулся, опорожнил свой кубок, откинулся на спинку кресла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.